

Алексей Бутовский: жизненный путь и творческое наследие

Сергей Бубка
Київ, Україна

Aleksey Butovsky: life path and creative heritage Serhii Bubka

ABSTRACT. Awareness of the magnitude and invaluable importance of our compatriot General Oleksii Dmytrov Butovsky's creative heritage has led to in-depth studies of his life and activities.

In the field of physical education O. D. Butovsky proved himself as a multifaceted figure, scientist and practitioner: historian, theorist, methodologist, organizer and head of training centers for preparation of specialists in the field of physical education. His works contributed to the formation of scientific foundations of education and his name is rightly among the first national historians, theorists, sociologists of sport.

The publication thoroughly highlights and analyzes the most important stages and events of the many-sided life and creative activity of General Oleksii Dmytrovich Butovsky (1838–1917), not only as a prominent expert in the field of physical education, but as an outstanding figure in the international Olympic movement.

Various works of O. D. Butovsky, including previously unknown to the specialists of physical education and sport, served as a material for these fundamental studies and were published in a 4-volume collection of works. Tremendous contribution of this researcher to the theory and practice of physical education in the troops of the Russian Empire and its military educational institutions, made by him using both his own applied developments and best foreign experience of that time, among which various aspects of physical education systems of Sweden, France and England has been considered and generalized. Oleksii Butovsky's contribution to the development of the education and training system in the country's civic schools was not overlooked as well. The active participation of O. D. Butovsky in the revival of the Olympic Games in modern conditions and the creation of the international Olympic movement by Pierre de Coubertin and his associates in 1890s have been analyzed. That way, scientific evaluation of the ideas, works and accomplishments of the first member of the International Olympic Committee, O. D. Butovsky, many of which have been unduly neglected for years was complemented.

Keywords: physical education systems, international Olympic movement.

Олексій Бутовський: життєвий шлях і творча спадщина Сергій Бубка

АННОТАЦІЯ. Усвідомлення масштабності і неоціненної значущості творчої спадщини нашого співвітчизника генерала Олексія Дмитрова Бутовського стало приводом для глибоких досліджень його життя і діяльності.

У галузі фізичного виховання О. Д. Бутовський проявив себе як багатогранний діяч, вчений і практик: історик, теоретик, методист, організатор і керівник навчальних центрів з підготовки фахівців у галузі фізичного виховання. Своїми працями Бутовський сприяв формуванню наукових основ виховання і його ім'я по праву належить до числа перших вітчизняних істориків, теоретиків, соціологів спорту.

У публікації всебічно висвітлюються і аналізуються найважливіші етапи і події багатогранного життя і творчої діяльності генерала Олексія Дмитровича Бутовського (1838–1917) не тільки як видатного фахівця у галузі фізичного виховання, а й як видного діяча міжнародного олімпійського руху. Матеріалом для цих фундаментальних досліджень послужили зібрані у різних країнах різноманітні, у тому числі й невідомі раніше фахівцям фізичного виховання і спорту праці О. Д. Бутовського, які після вивчення було видано в 4-томному зібранні творів. Розглянуто і узальнено великий внесок цього дослідника у теорію і практику фізичного виховання у військах Російської імперії і в її військово-навчальних закладах, здійснений ним з використанням як його власних прикладних розробок, так і передового зарубіжного досвіду того часу, серед якого різні аспекти систем фізичного виховання в Швеції, Франції та Англії. Не було обійдено увагою і внесок Олексія Бутовського у розвиток системи виховання і освіти у цивільних навчальних закладах країни.

Проаналізовано активну участь О. Д. Бутовського у відродженні 1890-і роки П'єром де Кубертеном і його соратниками Олімпійських ігор в сучасних умовах і створенні міжнародного олімпійського руху. Тим самим доповнюється наукова оцінка ідей, праць і звершень члена першого складу Міжнародного олімпійського комітету О. Д. Бутовського, багато з яких протягом довгих років незаслужено пущено і непам'ять.

Ключові слова: системи фізичного виховання, міжнародний олімпійський рух.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генерал А. Д. Бутовский был в числе тех деятелей из разных стран, которых в 90-е годы XIX века инициатор возрождения Олимпийских игр и создания современного олимпийского движения – Пьер де Кубертен – привлек к тесному сотрудничеству, направленному на реализацию этих масштабных замыслов [28].

К тому времени Алексей Дмитриевич уже имел существенный и разнообразный опыт в области физического воспитания и спорта, был достаточно известным специалистом в этих сферах, а его теоретические исследования и прикладные разработки не только признавались современниками, но и реализовывались на практике.

В 1894 г. А. Д. Бутовский участвовал в подготовке и проведении в Париже международного конгресса, которым была утверждена Олимпийская хартия – основополагающий документ избранного на этом форуме Международного олимпийского комитета, ставшего руководящим органом олимпийского движения, и принято историческое решение о проведении I Олимпийских игр современности в 1896 г. в греческой столице – Афинах – и последующем регулярном (раз в четыре года) проведении таких Игр в разных городах [29].

На том же конгрессе в Париже (1894 г.) генерал Бутовский был избран в первый состав Международного олимпийского комитета [27], а в 1896 г. как член МОК присутствовал на Играх I Олимпиады, после чего в одном из своих трудов – «Афины весной 1896 года» [3] – не только поделился впечатлениями от этого события, имевшего огромное значение для возрождения и дальнейшего развития международного олимпийского движения, но также глубоко и основательно проанализировал различные его аспекты.

Даже после завершения своего пребывания в составе МОК (1894–1900 гг.) А. Д. Бутовский не утратил живого интереса к олимпийской проблематике и к тематике физического воспитания, что воплотилось в его участии в III Олимпийском конгрессе 1905 г. в Брюсселе [21] и в проведенных в 1910 г. Международном конгрессе по школьной гигиене в Париже и Международном конгрессе по физическому воспитанию в Брюсселе [22], а также отразилось и в переписке Алексея Бутовского (в первые годы XX в.) с тогдашним президентом Международного олимпийского комитета Пьером де Кубертеном и другими деятелями МОК – в частности, с Виктором Бальком.

Так уж сложилось, что разнообразная, весьма значимая (не только в национальном, но и в международном масштабе) и плодотворная деятельность Бутовского в сфере физического воспитания, спорта и олимпийского движения в течение долгих лет в Советском Союзе замалчивалась официальной историографией (были порой лишь очень редкие и краткие упоминания о нем). Это, судя по всему, объяснялось тем, что для партийно-государственного руководства СССР и его идеологии дворянин по происхождению и успешный военный деятель, генерал-лейтенант российской армии А. Д. Бутовский, отличавшийся к тому же успешной карьерой и многочисленными наградами, не имевший

никаких конфликтов с властью царской России, был и классово, и социально чуждым для коммунистического режима. Поэтому, несмотря на очень большие заслуги перед отечественным физическим воспитанием и международным олимпийским движением, на многие годы имя генерала А. Д. Бутовского в СССР оказалось в забвении и почти не упоминалось в издававшейся в стране учебной, методической и исторической литературе по физической культуре, физическому воспитанию и спорту, где тогда господствовали идеологические постулаты марксистско-ленинского учения, которым, по вполне понятным причинам, не соответствовали ни труды Бутовского, ни его личность.

И лишь с произошедшим в конце 1991 г. распадом СССР и обретением Украиной государственной независимости, когда в нашей стране произошли ощутимые сдвиги в самых разных сферах жизни и деятельности, в том числе в физическом воспитании и спорте, одним из позитивных следствий всего этого стало возвращение в общественное сознание, в отечественную историческую и другую литературу незаслуженно забытых ранее имен многих выдающихся деятелей и среди них – Алексея Дмитриевича Бутовского.

В 90-е годы XX века и в первом десятилетии XXI века в Украине и России появилось несколько публикаций, посвященных научной и практической деятельности А. Д. Бутовского, например, выпущенная в 1994 г. в издательстве «Советский спорт» (Москва) работа В. У. Агеевца «...И генерал Бутовский для России» [1]. Ему также была посвящена часть главы «О некоторых пионерах российского спортивного и олимпийского движения» в книге А. Б. Суника «Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков», вышедшей в свет в том же издательстве «Советский спорт» в 2004 г. [26].

В 2006 г. при поддержке Национального олимпийского комитета Украины была издана (на украинском языке) книга избранных произведений Алексея Дмитриевича, выпущенная в Киеве издательством «Нічлава» [4].

В 2006 г. в Полтаве был открыт памятник А. Д. Бутовскому (он родился в Полтавской губернии), а в 2008 г. – в связи со 170-летием со дня рождения Алексея Дмитриевича – НОК Украины провел несколько научных конференций и творческих встреч, посвященных жизни и деятельности великого соотечественника.

Упомянутые выше публикации, к сожалению, не охватывали всего творчества А. Д. Бутовского и не давали полного представления о нем и о его трудах. Поэтому Национальный олимпийский комитет Украины, Олимпийская академия Украины и Национальный университет физического воспитания и спорта Украины выступили с инициативой, поддержанной Международным олимпийским комитетом, собрать, подготовить и издать все труды Бутовского, публиковавшиеся в конце XIX – в начале XX веков, а также разные архивные и другие документы, информирующие о его жизненном пути, включая переписку.

Практическая реализация этой инициативы позволила украинским энтузиастам отыскать и подготовить к изданию не только несколько трудов А. Д. Бутовского, находящихся в фондах библиотек России и Украины, но и те его работы, которые разрозненно были представлены в разных отечественных и зарубежных журналах, в библиотечных фондах военных учебных заведений в Санкт-Петербурге, в архиве Министерства обороны России (Москва), в Олимпийском музее и архиве Международного олимпийского комитета в Лозанне (Швейцария). Стоит отметить при этом, что хранящиеся в штаб-квартире МОК некоторые труды Алексея Дмитриевича, переведенные на английский и немецкий языки, несомненно, свидетельствуют о том, что Международный олимпийский комитет высоко оценивает творческое наследие Бутовского.

Результатом всей упомянутой поисковой и систематизационной работы стало «Собрание сочинений» А. Д. Бутовского (в четырех томах), подготовленное к изданию группой специалистов при действенной организационной, финансовой и другой поддержке со стороны Международного олимпийского комитета, Национального олимпийского комитета Украины и Олимпийской академии Украины и выпущенное в свет в 2009 г. издательством «Олимпийская литература» Национального университета физического воспитания и спорта Украины.

**МНОГОГРАННАЯ ЖИЗНЬ:
ВОЕННЫЙ, ПЕДАГОГ, ТЕОРЕТИК
И ПРАКТИК ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ДЕЯТЕЛЬ ОЛИМПИЙСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

Алексей Бутовский родился в Полтавской губернии в семье мелкопоместных дворян в 1838 г. (9 июня по старому стилю) в Пятигорцах – местечке в Лубенском уезде (ныне это Лубенский район Полтавской области). Детство он провел в родовом имении своего отца – Дмитрия Петровича Бутовского – в Пелеховщине – селе Кременчугского уезда на Полтавщине (ныне – Глобинский район Полтавской области).

Разностороннее домашнее воспитание Алексей продолжил, обучаясь в пансионе в Полтаве, а в 1849 г. его приняли в Петровско-Полтавский кадетский корпус.

После окончания учебы в этом учебном заведении Алексей Дмитриевич получил в 1856 г. звание унтер-офицера, а после прохождения военной практики в Дворянском полку в Санкт-Петербурге – звание прапорщика (в 18 лет) лейб-гвардии Павловского полка, откуда в том же году поступил на теоретическое отделение Николаевской инженерной академии.

Через два года, в 1858 г., он по распоряжению командования прервал учебу в академии и был направлен в уже знакомый ему Петровско-Полтавский кадетский корпус, где вступил в должность репетитора фортификации и других военных наук, получив таким образом первый опыт педагогической деятельности (1858–1861 гг.).

В дальнейшем А. Д. Бутовский служил в армии, последовательно получив воинские звания подпоручика (1862 г.) и поручика (1863 г.), участвовал в боевых действиях во время военной кампании в Польше (1863 г.) и за проявленную там храбрость был награжден орденом Святой Анны 4-й степени.

С 1864 г. Бутовский командует ротой, в 1865-м получает воинское звание штаб-капитана, в 1869 г. – звание капитана, а в 1870 г. за успехи в службе награждается орденом Святого Станислава 2-й степени.

Далее Бутовский оставляет строевую армейскую службу и завершает прерванное ранее обучение в Николаевской инженерной академии, получив диплом о высшем военном образовании. В 1871 г. его переводят в столицу Российской империи на должность воспитателя в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии, а в 1872 г. он получает звание подполковника. Во время службы в этом военно-учебном заведении Бутовский был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с Императорской короной (1873 г.) и орденом Святой Анны 2-й степени (1876 г.).

В 1877 г. А. Д. Бутовского перевели на службу в 3-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию на должность помощника инспектора классов; в 1878 г. ему присвоили звание полковника, а в 1879 г. наградили орденом Святого Владимира 4-й степени.

В том же военном учебном заведении, которое в 1882 г. было переименовано в Александровский кадетский корпус, Алексей Дмитриевич продолжает свою службу в прежней должности; в 1886 г. он был назначен ротным командиром. А в декабре того же года его переводят в Главное Управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ). В 1887 г. Бутовский получает очередную награду – орден Святого Владимира 3-й степени.

Все это вместе взятое свидетельствует об успешной военной службе А. Д. Бутовского, что заложило основу не только для его дальнейшей карьеры, но и для плодотворной педагогической и исследовательской деятельности [16, 18]. В этот период Бутовский начинает создание и публикацию ряда трудов, посвященных различным аспектам физического воспитания в войсках и военно-учебных заведениях – кадетских корпусах [19], что продолжил и в последующие годы.

Эти разработки Бутовского в разных формах внедряются в практику в военно-учебных заведениях России. К тому же всевозможным прикладным аспектам физического воспитания в этой сфере Алексей Дмитриевич уделял повседневное пристальное внимание и во время своих неоднократных служебных командировок по многим регионам страны, в том числе в составе лиц, сопровождавших в инспекторских поездках главного начальника военно-учебных заведений – Великого Князя Константина Константиновича.

В 1888 г. Главное Управление военно-учебных заведений назначило 50-летнего полковника Бутовского членом созданной при Министерстве народного просве-

щения комиссии по разработке вопроса о преподавании военной гимнастики в гражданских учебных заведениях и организации внеклассных занятий физическими упражнениями в кадетских корпусах.

Этим назначением ознаменовалось в жизни Бутовского, уже имевшего к тому времени довольно большой опыт военно-педагогической работы, начало нового этапа его плодотворной деятельности, направленной на всестороннее исследование и прикладную разработку теоретических проблем и практических аспектов физического (по терминологии тех лет – телесного) воспитания.

В эти и последующие годы Алексей Дмитриевич Бутовский написал и опубликовал ряд работ, посвященных физическому воспитанию в гражданских учебных заведениях, в том числе «Наставление для производства гимнастических упражнений в гражданских учебных заведениях. Вольные движения» [8], «Наставление для производства гимнастических упражнений в гражданских учебных заведениях. Упражнения с подвижными снарядами» [9], «Телесные упражнения как предмет преподавания» [10], «Из чтений по истории и методике телесных упражнений. Телесные упражнения как предмет преподавания» [11], «Из чтений по истории и методике телесных упражнений. Методика. Что такое физическое образование» [12] и ряд других трудов.

В начале 90-х годов XIX в. генерал-майор А. Д. Бутовский (это звание было присвоено ему в 1891 г.) по заданию ГУВУЗ, где он служил чиновником для особых поручений (в дальнейшем – генералом для особых поручений), неоднократно выезжал в зарубежные командировки для изучения и обобщения опыта разных стран в физическом воспитании и физкультурном образовании с целью определения возможностей использования лучшего из него в России. Выполняя эти задания военного ведомства, Алексей Дмитриевич побывал в 1892 г. в Швеции, Дании, Германии, Бельгии и Франции [5, 6], в 1896 г. – в Австрии, Италии и Греции [3], в 1899 г. – в Англии [7].

Знакомству с зарубежным опытом и налаживанию личных контактов со специалистами в разных странах в значительной мере способствовало и то, что А. Д. Бутовский хорошо владел несколькими иностранными языками, благодаря чему мог свободно общаться с коллегами.

Несколько забегаая вперед, отметим, что для Бутовского как специалиста в сфере физического воспитания более привлекательными, интересными и достойными внимания оказались те из зарубежных систем, для которых была характерна независимость их построения и функционирования, прежде всего – английская, существенно отличавшаяся в этом смысле от более жесткой немецкой системы физического воспитания, имевшей к тому же явно выраженную военизированную направленность. Примечательным (хотя, на первый взгляд, кажется несколько странным) является то, что генерал А. Д. Бутовский – кадровый военный,

имеющий за плечами многолетнюю службу в разных структурах военного ведомства, увидел в физическом воспитании не только решение задач допризывной подготовки молодежи и повышения физической готовности военнослужащих (кадетов, офицеров и др.), но и гораздо более широкие возможности использования в гражданской сфере.

После возвращения из зарубежных командировок А. Д. Бутовский отмечал, что в то время как во многих европейских странах вопросам физического воспитания и физкультурного образования уделяется большое внимание на уровне правительств тех государств, в России этим проблемам не придается надлежащего значения. Поэтому не только обобщенный зарубежный опыт, но и упомянутые сравнительные размышления Алексея Дмитриевича нашли отражение в ряде его трудов [5–7], вышедших в свет в последние годы XIX и в первые полтора десятилетия XX века, что, несомненно, заслуживает отдельного, более подробного рассмотрения далее в этой статье.

В 1890 г. по поручению военного ведомства России А. Д. Бутовский организовал в Санкт-Петербурге временные летние курсы для подготовки офицеров-воспитателей кадетских корпусов, в чьи функции входило также физическое воспитание кадетов. На протяжении шестнадцати лет Алексей Дмитриевич не только руководил этими курсами, но и активно занимался преподаванием, читая слушателям курсов лекции по истории, теории и методике телесных упражнений.

В течение ряда лет (в начале XX века) Бутовский добивался того, чтобы создать в России такое учебное заведение, которое готовило бы учителей физической культуры, и разработал проект в этом направлении. В 1909 г. его предложения были, хотя и не в полной мере, реализованы на практике: в Санкт-Петербурге открыли Главную гимнастико-фехтовальную школу, в которой Алексей Дмитриевич читал лекции офицерам-слушателям.

Во время одной из зарубежных поездок – во Франции – А. Д. Бутовский познакомился с известным и за пределами этой страны спортивным деятелем Пьером де Кубертенем, который в те годы был увлечен идеей возрождения Олимпийских игр в современных условиях и на международной основе. В связи с этим Кубертен налаживал в разных странах личные контакты и взаимопольное сотрудничество с теми специалистами и общественными деятелями, которые разделяли его взгляды и поддерживали его намерения. Судя по всему, именно глубокие знания Бутовского по важнейшим теоретическим и практическим аспектам физического воспитания и спорта (включая и историю древнегреческих Олимпийских игр), а также солидный опыт Алексея Дмитриевича в этих сферах и его большая эрудиция послужили побудительными мотивами – Пьер де Кубертен предложил генералу Бутовскому принять участие в подготовке к проведению учредительного конгресса, призванного

организовать олимпийское движение на современном этапе и возродить Олимпийские игры. В 1894 г. конгресс в Париже состоялся, и инициатор возрождения этих Игр предложил включить А. Д. Бутовского – вместе с греком Д. Викеласом, французом Э. Калло, американцем У. Слоэном, шведом В. Бальком, англичанином Ч. Хербертом, венгром Ф. Кемени и другими видными деятелями того времени – в первый состав избранного на конгрессе Международного олимпийского комитета [25, 26]. Это участие генерала Бутовского в возрождении Олимпийских игр и в создании современного международного олимпийского движения будет рассмотрено более подробно в последующих разделах этой статьи, как и труд Алексея Дмитриевича «Афины весной 1896 года», отразивший его впечатления от Игр I Олимпиады, проведенных в Греции, и его глубокие размышления по разным аспектам этой проблематики.

Входя в состав Международного олимпийского комитета, как уже отмечалось, с 1894 по 1900 г., Бутовский не только участвовал в деятельности МОК, но и приложил немало усилий для инициирования процессов, призванных способствовать развитию олимпийского движения и олимпийского спорта в России. Однако в этих своих устремлениях Алексею Дмитриевичу пришлось неоднократно сталкиваться как с достаточно прохладным восприятием российским обществом призывов к практической реализации олимпийских идей в стране, так и с равнодушием российского чиновничества на самых разных уровнях. Пожалуй, такие негативные факторы и стали одной из основных причин того, что генерал-майор Бутовский постепенно охладел к этой сфере своей деятельности, а также к дальнейшему сотрудничеству с Международным олимпийским комитетом, что просматривается в переписке Бутовского с Кубертенем.

В 1900 г. Алексей Дмитриевич обратился к президенту МОК Пьеру де Кубертену с заявлением о своей отставке с поста члена Международного олимпийского комитета. Но и после этой отставки А. Д. Бутовский, хотя уже и не входил в состав МОК, продолжал проявлять большой интерес к тематике физического воспитания, олимпийского движения и олимпийского спорта. В 1905 и 1910 гг. он принял участие в ряде международных конгрессов, рассматривавших эту проблематику [21, 22].

В первом десятилетии XX века в трудах, создаваемых Алексеем Дмитриевичем Бутовским, разрабатывается не только проблематика физического воспитания в военных и гражданских учебных заведениях, занявшая одно из наиболее значимых мест в его творческом наследии, но и разные аспекты педагогики, примерами чего могут служить, скажем, такие его педагогические публикации, как «О школьном товарищеском суде» [23], «Обучение письму и почерк» [24] и др.

О том, насколько образованным и эрудированным был А. Д. Бутовский, свидетельствует и тот широкий круг его культурных интересов, который не ограничивался педагогикой, физическим воспитанием, олимпийским

спортом и смежными с ними областями знаний. Одним из примеров этого может служить написанная и опубликованная Алексеем Дмитриевичем работа «Война и военный быт в работах Калло и его современников» [20], в которой он анализирует творчество таких художников XVIII века, как Жак Калло, Стефано делла Белла, Клод Лоррен, Сальватор Роза.

В последние годы своей многогранной жизни Алексей Дмитриевич, почти полностью утративший зрение, надиктовал своей жене Анне Васильевне такие автобиографические очерки, как «Прекратившийся род» и «В родном гнезде».

На 79-м году жизни 25 февраля (по старому стилю) 1917 г. Алексей Дмитриевич скончался в Петрограде*, где и был похоронен.

ВКЛАД А. Д. БУТОВСКОГО В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ И ВОЙСКАХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ

Вопросы теории и практики физического воспитания в военно-учебных заведениях и войсках России полковник А. Д. Бутовский начал разрабатывать во второй половине 70-х годов XIX века – еще во время службы помощником инспектора классов 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии (позднее переименованной в Александровский кадетский корпус) – и успешно продолжал далее в течение довольно длительного периода службы на разных должностях в Главном Управлении военно-учебных заведений.

В частности, в 1879 г. Алексей Дмитриевич опубликовал в Санкт-Петербурге подготовленное им «Наставление для обучения войск гимнастике и полевая гимнастика» [14]. В 1889 г. вышла в свет его работа «Опыт руководства для обучения плаванию в кадетских корпусах» [15] и в том же году – «Проект организации подвижных игр как отрасли физического образования в кадетских корпусах» [16], а в 1899 г. – «Упражнения и занятия, имеющие отношение к физическому воспитанию в наших кадетских корпусах» [19].

Кроме того, в таких своих трудах, как изданная в 1897 г. работа «Заметки о военной гимнастике» [17] и опубликованная в 1898 г. работа «Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах» [18], А. Д. Бутовский, не ограничиваясь отечественным опытом (в том числе и своими собственными разработками), достаточно всесторонне описывает особенности реализации в войсках государств Западной Европы (в частности, в Германии, Швеции, Франции, Австрии, Италии, Бельгии и некоторых других странах, где Алексей Дмитриевич в 90-х годах XIX века побывал в служебных командировках) разных систем гимнастических упраж-

*В 1914 г. после начала Первой мировой войны, в которой одним из противников России была Германия, Санкт-Петербург переименовали в Петроград.

нений, соответствующих (по терминологии) российской «прикладной гимнастике» («полевой гимнастике»).

В самом начале вводного раздела («Общие правила») своего труда «Наставление для обучения войск гимнастике и полевая гимнастика» А. Д. Бутовский подчеркивает: «Обучение войск гимнастике имеет двоякую цель: 1) способствовать стройному развитию всех частей тела солдата, а также развить и укрепить его силы и 2) выработать в нем ловкость, придать его движениям уверенность и развить смелость и предприимчивость в преодолении разных препятствий» [14].

Как отмечает Алексей Дмитриевич, развитие этих качеств делает солдата способным к быстрым и продолжительным движениям и преодолению разнообразных местных преград, встречающихся при действии в поле, и в то же время гимнастика способствует успеху некоторых занятий, относящихся к строевому образованию солдата.

Далее А. Д. Бутовский пишет о том, что гимнастические упражнения, сообразно изложенным выше целям, «разделяются: а) на приготовительные, т. е. способствующие стройному развитию всех частей тела и укреплению мускулов и б) практические, которые кроме развития физической силы и ловкости имеют еще целью сделать солдата способным к преодолению разных местных преград и указать самые удобные к тому способы» [14].

Бутовский, указывая на то, что особую отрасль гимнастических знаний составляет обучение бегу, разделяет весь курс гимнастики для войск на три отдела: 1-й – приготовительные упражнения; 2-й – бег и 3-й – практические упражнения.

Особо подчеркивал А. Д. Бутовский, что обучение гимнастике должно вестись в систематической последовательности, переходя постепенно от легчайших упражнений к более трудным, и что «разделение на уроки определяет только последовательность, в которой трудность упражнений должна возрастать сообразно постепенно развивающимся силам людей, но не должно служить указанием для распределения занятий на учениях. На учениях же упражнения всех пройденных уроков должны быть постоянно повторяемы попеременно таким образом, чтобы на каждом учении было проделываемо по несколько упражнений из каждого урока и отдела и, по возможности, каждый раз другие» [14].

В одном из параграфов «Общих правил» Бутовский отмечает, что «По окончании полного курса гимнастики ротные командиры производят всем людям испытание и, сообразно успехам каждого, разделяют их на три класса, руководствуясь при этом правилами, указанными в приложении к настоящему наставлению. Цель этого разделения – правильная оценка каждого из обучающихся» [14]. И далее автор продолжает: «Принимая, однако же, во внимание, что армия наша комплектуется людьми, совершенно не подготовленными к гимнастическим упражнениям, и имея в виду, что усиленные занятия

практическими уроками на снарядах могут неблагоприятно отзываться на здоровье новобранцев, – признано необходимым более трудные практические упражнения, а именно: лазанье по наклонной лестнице сзади на одних руках, опускание между параллельными брусками с висающими ногами и с ногами, закинутыми на бруска, прыганье в ширину более 3 аршин* и перепрыгивание через горизонтальное бревно, поднятое более 1¹/₄ аршина, – сделать не обязательными для молодых солдат».

Бутовский указывает и на то, что «при всех приготовительных упражнениях необходимо предварительно объяснить обучающимся смысл каждого движения и цель, которая им достигается, а при упражнениях практических – указать легчайший и безопаснейший способ к исполнению упражнения и к преодолению встречающихся препятствий» [14].

Большое внимание уделял Алексей Дмитриевич Бутовский необходимости особой заботы со стороны начальства об обеспечении и сохранении здоровья людей при занятиях гимнастикой, для чего требуется соблюдение ряда приводимых им правил.

Дальнейшая – основная – часть наставления состоит из довольно подробного рассмотрения содержания каждого из трех отделов. Это отдел I («Приготовительные упражнения»); отдел II («Бег»); отдел III («Практические упражнения»). При этом каждое из предлагаемых многочисленных упражнений не только достаточно подробно описано автором, но и в некоторых случаях проиллюстрировано рисунками, показывающими то или иное положение занимающихся, выполняемые ими движения в отдельных упражнениях и используемые спортивные (гимнастические) снаряды.

В своей работе – «Опыт руководства для обучения плаванию в кадетских корпусах», изданной в Санкт-Петербурге в конце 80-х годов XIX в., – А. Д. Бутовский прежде всего, отмечает, что в общей системе физического образования «плавание имеет значение, во-первых, как гимнастическое упражнение, производимое при особенно благоприятных гигиенических условиях; во-вторых, как способ непосредственного передвижения по воде для достижения недоступных предметов (что особенно важно для людей, готовящихся к военной деятельности) и, наконец, как возможность предотвращать могущие встретиться на воде опасности для себя и для других» [15] – и в связи с этим автор подчеркивает, что ввиду такого значения плавания оно должно составлять обязательный предмет обучения в кадетских корпусах.

В последующих разделах этой работы Алексея Дмитриевича описано следующее: приспособления, пособия и принадлежности, необходимые при обучении плаванию; состав учителей и их обязанности; разделение воспитанников на группы, количество часов, определяемых для уроков плавания; систему обучения; меры

*Аршин – мера длины в России до введения метрической системы мер. 1 аршин = 16 вершкам = 28 дюймам = 71,12 см.

предосторожности для купающихся и плавающих; необходимые примечания для учителей плавания; меры поощрения и контроль.

В изданном в том же 1889 г. в Санкт-Петербурге «Проекте организации подвижных игр как отраслевого физического образования в кадетских корпусах» А. Д. Бутовский отмечает: «Значение подвижных игр, сопровождающих курс учебной гимнастики, заключается в том, что упражнения, предоставляемые играми, всегда принадлежат к числу упражнений, безусловно, свойственных человеческому организму и необходимых для правильного и целесообразного его развития. Характер этих упражнений обуславливается не той или другой искусственной гимнастической системой, а природной потребностью к инстинктам, и потому игры, при некотором разнообразии в их подборе, в значительной степени содействуют всесторонности и гармоничности физического воспитания. По той же причине добровольная игра не представляет опасности чрезмерного напряжения сил и болезненного переутомления. Инстинктивное чувство безошибочно указывает мальчику тот предел, за которым игра перестает быть для него удовольствием и становится тягостью, а потому как добровольный участник в игре он обыкновенно доставляет себе именно такое количество движения, какое по состоянию его физических сил необходимо для него как полезное упражнение» [16]. Наряду с этим, Алексей Дмитриевич констатирует, что, кроме того, «интерес и увлечение, с которыми по большей части дети предаются играм, представляют очень выгодные условия для успешного усвоения всякого рода телесных упражнений».

А. Д. Бутовский также подчеркивает, что существенная особенность игры – состязание, производимое по известным правилам, – включает в себе много условий и для духовного развития детей, в особенности для формирования характера.

Напоминая о том, что в кадетских корпусах подвижные игры всегда поощрялись, Алексей Дмитриевич указывает, что в этих военно-учебных заведениях главная задача организации подобных игр «должна состоять в том, чтобы привлечь к ним воспитанников всех возрастов, сделать участие в игре общей потребностью, ввести эти упражнения в нравы заведений и поставить умелое отношение к играм делом личного самолюбия каждого мальчика и каждого юноши» [16].

Последующие главы этого проекта Бутовский посвящает выбору игр (при котором первым условием является их разнообразие), их обучению (с соответствующими прикладными рекомендациями), руководству играми, проводимыми в свободное от учебных занятий время, а также приводит перечень подвижных игр для воспитанников кадетских корпусов.

Забываясь о том, чтобы воспитание учащихся в таких военно-учебных заведениях, как кадетские корпуса, было всесторонним, комплексным и гармоничным [13], Алексей Дмитриевич Бутовский в своих трудах,

посвященных проблематике, касающейся данной сферы, не ограничивается сугубо вопросами одного лишь физического воспитания. О гораздо большей широте его педагогических взглядов и интересов в этой сфере свидетельствуют, например, такие его работы, как «О школьном товарищеском суде» [23], «Обучение письму и почерк» [24].

В своей многогранной и плодотворной деятельности в период службы в Главном Управлении военно-учебных заведений А. Д. Бутовский занимается не только теоретическими и прикладными разработками актуальных направлений физического воспитания в военно-учебных заведениях и физической подготовки военнослужащих в российских войсках, но и уделяет внимание повседневной практической работе по реализации всего этого непосредственно на местах – как во время своих служебных командировок в разные регионы России, так и при сопровождении в инспекционных поездках главного начальника военно-учебных заведений. География такой деятельности Алексея Дмитриевича в поездках по стране, как об этом свидетельствует его полный послужной список, была весьма широкой и разнообразной: Москва, Орел, Тифлис, Воронеж, Оренбург, Киев, Тверь, Елисаветград, Полтава, Новочеркасск, Ярославль, Симбирск, Омск, Одесса, Чугуев, Полоцк, Вильно, Псков, Сумы, Казань, Нижний Новгород и другие города.

Стоит, пожалуй, отметить и то, что труды А. Д. Бутовского, посвященные вопросам физического воспитания вообще, в том числе в военно-учебных заведениях и войсках, а также в гражданских учебных заведениях, несмотря на более чем сто с лишним лет, прошедших со времени их создания Алексеем Дмитриевичем, и ныне во многом остаются актуальными. Поэтому, на наш взгляд, такие работы Бутовского было бы весьма полезно прочитать, уяснить и использовать в практической деятельности тем, кто в современной Украине определяет направленность отечественной системы физического воспитания и спорта, в которой, к сожалению, в наследство от распавшегося Советского Союза достались те – во многом порочные – принципы системы физического воспитания населения, базировавшегося в бывшем СССР на милитаризованном комплексе ГТО («Готов к труду и обороне»), а в уже обретшей государственную независимость Украине – на таких тестах и других нормативах, которые довольно далеки от насущных задач укрепления здоровья граждан нашей страны и особенно ее подрастающего поколения – детей, юношества и молодежи.

О СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ШВЕЦИИ

Швеция была одной из тех европейских стран, которые А. Д. Бутовский посетил во время своей зарубежной командировки в 1892 г. Ознакомление Алексея Дмитриевича со шведской системой физического воспитания, анализ и обобщение разных аспектов ее спе-

цифики воплотились, в частности, в публикациях 1897–1898 г. в «Педагогическом сборнике военно-учебных заведений» и некоторых других работах, среди которых следует отметить такие как «Шведская педагогическая гимнастика» (1897 г.), «Система шведской педагогической гимнастики» (1899 г.), «Система шведской педагогической и военной гимнастики. Издание 2-е» (1903 г.).

На труды Алексея Дмитриевича Бутовского, посвященные системе шведской педагогической и военной гимнастики, обратили внимание специалисты не только в России, но и в самой Швеции. Как отмечает Бутовский [6], «...две последние главы, по поручению профессора Тернгрена, переведены на шведский язык и помещены, с его примечаниями, в редактируемом им органе Скандинавского общества учителей гимнастики – «Tidskrift i gymnastic» (1899 г., тетр. 1-я). «Эта работа, – говорит профессор Тернгрэн, – достойна внимания со многих точек зрения, в особенности же со стороны основательного предварительного изучения, предпринятого автором для возможно полного и точного изложения развития этой отрасли воспитания, так живо интересующей в настоящее время весь цивилизованный мир» [6].

Далее А. Д. Бутовский отмечает: «Профессор Тернгрэн не сходит с автором в сравнительной оценке шведской гимнастики и немецкого турнен, что вполне объясняется национальным предрасположением к своей родной системе упражнений. Во всяком случае, он с благородным беспристрастием сознает, что различие во взглядах может служить только на пользу дела». В заключение он высказывает особую благодарность автору «за тот любвеобильный интерес, с которым он изучал шведскую гимнастику, и за те обстоятельные сведения о ней, о которых несомненно свидетельствует его работа...» [6].

В становлении и развитии системы гимнастики в Швеции в XIX веке основную роль сыграл созданный в Стокгольме в 1813 г. королевский гимнастический центральный институт [25].

Говоря об этом институте, А. Д. Бутовский отмечает: «Назначение его определено в королевском указе от 13 июля 1887 г. (в шведском оригинале: Kongl. Majjitts nädiga för Gimnastiska Centralinstitutets: gifven Stockholms slot den 13 Juli 1887) таким образом: «Гимнастический центральный институт имеет целью сообщать молодым слушателям, мужчинам и женщинам, посвящающим себя гимнастике, необходимые для того научные сведения и практические умения. Институт образовывает инструкторов по гимнастике и фехтованию, учителей и учительниц гимнастики, а также врачебных гимнастов – мужчин и женщин. Институт занимается вместе с тем обучением гимнастике школьного юношества и лечением посредством врачебной гимнастики таких больных, для которых гимнастическое воздействие признается полезным» [6].

На мужское отделение королевского гимнастического центрального института в число его слушателей – пишет А. Д. Бутовский – поступают офицеры и унтер-

офицеры армии, офицеры флота и гражданские лица. Все поступающие должны обладать здоровым, сильным сложением, задатками для физических упражнений и возрастом не старше 30 лет.

Полный курс для мужчин в этом институте продолжается три года. При этом после успешного прохождения однолетнего курса присваивается звание «инструктор гимнастики и фехтования», что дает военным право вернуться в свои полки в качестве инструкторов, а гражданским лицам – право на преподавание гимнастики в низших учебных заведениях. Двухлетний курс называется учительским; окончившие его получают звание «учитель гимнастики» и право на преподавание телесных упражнений во всех учебных заведениях. А тем, кто прошел в этом институте трехлетний курс обучения, после его окончания присваивается звание «директор гимнастики», причем они вместе с правом на преподавание педагогической гимнастики получают также аттестат врачебного гимнаста.

Для женщин же в королевском гимнастическом центральном институте предусмотрен двухлетний курс (вследствие несколько уменьшенного объема практических упражнений). По окончании годичного курса слушательницы выпускаются «учительницами гимнастики», а прошедшие двухлетний курс получают звание «директор гимнастики» и сверх того – право практиковать врачебную гимнастику [6].

Бутовский также информирует о том, что общими для всех слушателей теоретическими предметами, изучаемыми в институте, являются анатомия, физиология, педагогическая гимнастика, военная гимнастика и фехтование (оно преподается только для мужчин), а общие для всех слушателей практические дисциплины – это упражнения в педагогической гимнастике, в военной гимнастике, фехтовании (исключая женщин) и преподавании гимнастики. Кроме того, в учебных программах имеются предметы, относящиеся к учительскому курсу и курсу врачебной гимнастики.

Алексей Дмитриевич, посетивший Швецию в конце XIX века, особо подчеркивает, что в течение своего длительного существования (с 1813 г.) Стокгольмский королевский гимнастический центральный институт развивает учение о гимнастике на одних и тех же принципах, унаследованных от его основателя и первого инициатора этого дела Пера-Генрика Линга, развивавшего в свое время теоретические и практические основы гимнастики, получившие признание не только в Швеции, но в других европейских странах [26].

Бутовский констатирует, что вследствие такой неуклонной преемственности идей «шведская система гимнастики, с одной стороны, является системой совершенно своеобразной и до известной степени обособленной от всех других течений и идей по вопросам о телесных упражнениях, с другой – представляет тщательную разработку в основных своих положениях и большую законченность в своем построении» [6].

Выделяет Бутовский и ту тесную связь, которая издавна установлена в этом институте между теорией и практикой, и то, что «вся практическая часть преемственно основана на ясных и точных теоретических положениях. Тут нет ни одного приема, ни одного движения, значение которого не объяснялось бы требованиями и положениями системы, так что практика и техника гимнастики служат самым полным выражением лежащей в основе ее теории» [6].

Сравнивая положение дел в этой сфере в Швеции и других странах, в частности, в Германии, А. Д. Бутовский [6] пишет о Стокгольмском королевском гимнастическом центральном институте: «Деятельностью своего институт возвел гимнастику в науку, и ученики его являются в общественном мнении представителями специального и серьезного знания. Этого нигде нет. В Германии звание учителя гимнастики тоже стоит довольно высоко, но потому, главным образом, что там оно всегда соединено со званием учителя какого-нибудь учебного предмета. Турнен там не наука, а искусство. В Швеции бывший ученик гимнастического института является педагогом, равноправным с другими только потому, что он специалист по гимнастике. Нигде гимнастика не практикуется и не преподается с такой уверенностью в ее необходимости, как в Швеции. Если там преподавание гимнастики и доверяется в известных случаях «рутинерам», то, все-таки, там не редкость видеть лиц значительного общественного положения и большого образования, занимающихся и преподаванием гимнастики, и врачебно-гимнастической практикой».

Также А. Д. Бутовский отмечает [6]: «В шведской гимнастике и только в ней одной при применении телесных упражнений главной целью является не навык как таковой, а достижение известного полезного влияния на организм... Шведская гимнастика регулирует гимнастические навыки и дополняет недостающие формы отвлеченными упражнениями, значение которых – не привитие навыка, а определенное физиологическое воздействие. Такими родами движений обладает только она одна, и в этом отношении она должна быть поставлена выше турнен».

В историческом экскурсе, входящем в одну из глав книги, А. Д. Бутовский освещает плодотворную деятельность Пера-Генрика Линга – сначала в Лундском университете (1804–1812 гг.), затем в королевской военной школе в Карлсберге (вблизи Стокгольма), а с мая 1913 г. – в созданном по его инициативе в Стокгольме Королевском гимнастическом центральном институте.

В разработанном Лингом уставе по гимнастике «Gymnastik Reglement», утвержденном и напечатанном в 1836 г., ставшем первым методическим руководством по шведской гимнастике, вместо упражнений на гимнастических снарядах (Лингу поставили условие не включать их в устав, поскольку такие снаряды были дорогостоящими) были введены движения с живой опорой или так называемые двойственные движения, которые

составляли одну из самых характерных особенностей шведской системы гимнастики.

В 1838 г. Линг переделал гимнастический устав, включив из него все движения с опорой. Зато, как отмечает Бутовский [6], «со временем эти движения получили очень большое приложение во врачебной шведской гимнастике».

В последние годы своей жизни Линг принялся за систематическое изложение своего учения. В 1834 г. он закончил написание этой работы и частично напечатал, затем приостановил печатание своего труда и забрал рукопись для новой ее переработки, довести которую до конца он, увы, не успел. Перед смертью (в 1839 г.) Линг завещал издать это сочинение своим ученикам – офицеру Карлу-Августу Георгию и доктору Линдбеку. Они в 1840 г. выпустили книгу Линга в свет, озаглавив ее «Gymnastikens allmänna grunder (Fragment)».

В этом труде Пер-Генрик Линг разделил гимнастику на четыре части – педагогическую, военную, врачебную и эстетическую.

Педагогическая гимнастика включает упражнения, которые человек делает сам, по своей воле, для собственного развития (такие упражнения характеризуются как субъективно-активные). Военная по своей сути – это борьба во всех ее видах, где человек обучается владению оружием или использованию своей собственной силы для борьбы (такие упражнения характеризуются как объективно-активные). Назначение врачебной гимнастики – посредством движений, в основном с посторонней помощью, облегчать болезненные явления в организме человека (субъективно-пассивные упражнения). С помощью эстетической гимнастики человек учится наглядно и понятно для других выражать движениями свои мысли и чувства (такие упражнения характеризуются как объективно-пассивные).

Линг – по оценке Бутовского [6] – отмечал, что точных границ между этими отделами гимнастики нет, и в каждый из них могут входить движения из других отделов, но только в ином количественном или качественном отношении.

Из четырех упомянутых отделов гимнастики самой элементарной является педагогическая гимнастика, а ее основные положения распространяются и на все другие отделы.

Рассматривая учебную программу курса в Стокгольмском королевском гимнастическом центральном институте, А. Д. Бутовский констатировал, что в ней нет эстетической гимнастики, и что военная гимнастика там как будто бы раздвоена: фехтование выделено из нее в особый предмет, а во всей целостности остаются только педагогическая и врачебная гимнастика [6].

Как были убеждены Пер-Генрик Линг и его последователи Габриэль Брантинг, Карл-Август Георгий, Гьялмар Линг (сын П.-Г. Линга), гимнастика должна способствовать всестороннему физическому развитию человека, повышать его способность к освоению разных специ-

альных навыков, укреплять здоровье здоровых людей и восстанавливать его у больных.

Бутовский отмечал, что в то время, когда он знакомился с физическим воспитанием в Швеции (это было, напомним, в 1892 г.), в шведской гимнастике строго различались только два больших отдела: гимнастика для здоровых людей (*friskgymnastik*) и гимнастика для больных (*sjukgymnastik*). Причем, по определению шведских специалистов гимнастики, *friskgymnastik* (для здоровых) не является педагогической или школьной гимнастикой в общепринятом значении этих слов. «*Friskgymnastik*» включает в себя упражнения, ориентированные на здоровых людей любого возраста и всякого состояния. «Она должна дать развитие в детском и юношеском возрасте; сохранить здоровье и способность к физической деятельности в зрелом возрасте и, по возможности, поддерживать и то, и другое в старости» [6]. Далее Бутовский отмечает, что гимнастика для здоровых при такой широкой ее постановке поглотила в себе педагогическую и эстетическую гимнастику, и что военная гимнастика еще до некоторой степени сохранила свою самостоятельность и к ней в Швеции относили также фехтование на шпагах, саблях и штыках, а также строевые упражнения.

Отмечал Бутовский и то, что «в шведской гимнастике для здоровых все упражнения имеют довольно сильно выраженные военные формы, т. е. исполняются по команде, с доступной силам учеников точностью» [6].

Шведская гимнастика по направленности, составу упражнений и методике их применения принципиально отличалась от остальных гимнастических систем, получивших развитие в XIX веке. При огромном многообразии упражнений, используемых в шведской гимнастике, все они отличались естественностью поз и движений, отсутствием максимальных усилий, жестких и грубых движений. А спортивные снаряды в шведской гимнастике применялись исключительно для того, чтобы облегчить выполнение упражнений, а не для усложнения условий их выполнения, не для создания дополнительных трудностей и препятствий, как в военизированных немецкой или французской системах [13, 14].

Следует отметить, что в середине XIX века шведская гимнастика приобрела большую популярность и в других странах Европы, в том числе даже в Германии. Так, офицер прусской армии Ротштайн, который по поручению своего правительства прошел курс обучения в Стокгольмском королевском гимнастическом центральном институте (в период 1839–1862 гг. им руководил последователь П.-Г. Линга – Г. Брантинг), по возвращении из Швеции был назначен директором основанного в 1847 г. (по образцу упомянутого шведского учебного заведения) Берлинского центрального гимнастического института. Обладая большой эрудицией и будучи страстным противником турнирства (немецкой системы физического воспитания) и убежденным сторонником шведской гимнастики, Ротштайн, как отмечал Бутовский [6], «почти фанатически проводил свои идеи и как учи-

тель, и как писатель», что вызвало патриотический протест со стороны немецких педагогов и врачей. Вследствие возникшей в связи с этим ожесточенной полемики Ротштайн в 1863 г. отказался от занимаемого им в течение шестнадцати лет поста директора Берлинского центрального гимнастического института. Однако, по мнению Бутовского, деятельность Ротштайна не осталась без последствий для немецкого турнен: следы его идей и в дальнейшем сказывались в педагогическом применении упражнений, а немецкая военная гимнастика еще долго сохраняла заметные черты сходства со шведской гимнастикой времен Брантинга.

Шведская гимнастика получила распространение в Финляндии, России, Швейцарии, Англии, США и некоторых других странах, где этому способствовала активная деятельность ее сторонников – выпускников Стокгольмского королевского гимнастического центрального института.

Что касается того, как шведская гимнастика проникла в Россию (еще при жизни Пера-Генрика Линга), то, пожалуй, для ответа на этот вопрос следует привести цитату из книги А. Д. Бутовского «Система шведской педагогической и военной гимнастики» [6]: «До начала 30-х годов у нас вовсе не было никакой гимнастики, но около этого времени (1832) бывший тогда начальником военно-учебных заведений Великий Князь Михаил Павлович, заинтересовавшись гимнастическими упражнениями в ортопедическом заведении д-ра Мандилени в Москве, нашел полезным ввести гимнастику в кадетские корпуса. В это время случился в России швед, Мориц Паули, гимнаст и фехтмейстер, и ему поручено было организовать гимнастическое обучение сначала в Петербургских и Московском, а потом и в других кадетских корпусах. По всей вероятности, Паули был учеником Линга в первые годы института. Во всяком случае, он знал основания шведской гимнастики, так как преподавал ее в учебных заведениях в своем отечестве, а в Петербурге основал частное врачебно-гимнастическое заведение на шведских началах. Лет через семь Паули умер (1839), и на смену ему явился Карл-Фридрих де Рон, отставной поручик шведской службы, один из лучших учеников Линга. Ему были переданы обязанности Паули по обучению гимнастике в кадетских корпусах, и он же принял его гимнастическое заведение... Де Рон оставался в России до 1858 года; штатное место в военно-учебных заведениях он занимал лет восемь, потом вышел в отставку и отдался главным образом врачебной гимнастике в своем заведении, не переставая в то же время деятельно пропагандировать гимнастику как воспитательное средство и как военно-подготовительное занятие. В различное время ему поручались для обучения команды гвардейского корпуса, морского ведомства и пр. ».

Следует признать ошибочным мнение о том, будто бы шведская гимнастика с ее оздоровительной ориентацией сдерживала развитие спорта. На самом же деле,

в Швеции параллельно с развитием гимнастики интенсивно развивался и соревновательный спорт (в XVIII–XIX вв.), а развитие и распространение шведской гимнастики Пера-Генрика Линга успешно сочеталось в этой стране с развитием и популяризацией разных видов спорта, с проведением соревнований и спортивных праздников.

Представители шведской гимнастической школы и являвшегося центром этой системы Стокгольмского института, как правило, весьма ревниво воспринимали попытки разрушения тех основ гимнастики, которые были заложены и развиты Пером-Генриком Лингом и его последователями. Однако сторонники шведской системы физического воспитания, изучая разные направления развития гимнастики, популярные в других странах и являя лучшее в этих системах, стремились использовать их в качестве дополнений к шведской системе. Поэтому в программы института в Стокгольме стали включаться и разные спортивные упражнения, дополнявшие традиционную шведскую систему.

В числе самых активных сторонников более свободного направления в шведской гимнастике, как отмечал Бутовский, был один из ведущих специалистов Стокгольмского королевского гимнастического центрального института (с 1905 г. – его директор), старший учитель военной гимнастики, майор Виктор Бальк – ближайший соратник Пьера де Кубертена по возрождению Олимпийских игр, член первого состава Международного олимпийского комитета, а затем и вице-президент МОК. Являясь приверженцем шведской школы гимнастики, он тем не менее включал в свою деятельность (и в такую работу, как «Гимнастика») и наиболее эффективные упражнения и снаряды из немецкой гимнастики, а также считал перспективным и английский опыт в широком использовании спорта [6].

Высоко оценивая достоинства этого видного и опытного шведского специалиста, А. Д. Бутовский отмечает: «Майор Бальк хорошо помнит слова Линга, что снаряд есть только средство, а цель гимнастики есть движение, а потому он не видит причины, по которой следовало бы бояться снарядов, раз производимые на них движения будут отвечать задачам гимнастического развития. Поэтому в приложении к своей гимнастике он не колеблется давать полезные упражнения на таких снарядах и с такими подвижными снарядами, которые отвергаются шведской гимнастикой (Reck*, параллельные брусья, железная палка, гири, булавы). Мы видели уже, что и в фехтование, преподаваемое им по шведской системе, он не боится вносить все то, что может возвысить значение этого упражнения как искусства. Он твердо помнит также, что основатель шведской гимнастики ничего не имел против подвижной игры, а потому он является ревностным распространителем детских игр на воздухе. Он устраивает места для игр, организует игры и написал несколько прекрасных руководств по этому предмету.

*Reck (нем.) – перекладина.

Наконец, майор Бальк известен как деятельный организатор среди шведской молодежи упражнений спорта. ...Справедливость требует сказать, что как шведский спорт майора Балька, так и перенесенные им турнирные упражнения стоят много выше этих упражнений на их родной почве, так как они упорядочиваются здесь теми принципами, которые лежат в основании шведского учения о движениях. Сторонники старого метода смотрят на все это с сомнением. Они думают, что через это страдает значение системы как национального учреждения. Но в этом движении есть что-то неудержимое, стихийное, и нельзя сомневаться, что если это повлияет на уменьшение замкнутости и исключительности шведской гимнастики, то это будет только к ее выгоде, как системы воспитательной, без всякого ущерба для ее народного значения» [6].

...Завершая эту часть статьи, посвященную изучению А. Д. Бутовским системы физического воспитания в Швеции, следует отметить и то, что в своих публикациях, посвященных этой теме, в том числе и в рассматриваемой нами его работе «Система шведской педагогической и военной гимнастики», Алексей Дмитриевич не ограничивается только глубоким и всесторонним анализом этой системы, но и приводит используемые в ней многочисленные упражнения (с соответствующими иллюстрациями к ним).

О СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВО ФРАНЦИИ

Франция была одной из тех европейских стран, которые А. Д. Бутовский посетил во время своей зарубежной командировки в 1892 г. Ознакомление Алексея Дмитриевича с французской системой физического воспитания, анализ и обобщение разных аспектов ее специфики воплотились, в частности, в таком его труде, как «Телесные упражнения во Франции», впервые опубликованном в России в нескольких номерах «Педагогического сборника» за 1893 г. (№№ 2–5), а в 2009 г. вошедшем в первый том упоминавшегося уже четырехтомного собрания сочинений этого автора, которое вышло в свет в издательстве «Олимпийская литература» Национального университета физического воспитания и спорта Украины.

Труд А. Д. Бутовского «Телесные упражнения во Франции» помимо преамбулы состоит из четырех основных глав (автор называет их очерками) – «Военная гимнастика и фехтование», «Нормальная школа гимнастики и фехтования», «Школьная гимнастика», «Школьный спорт» – и нескольких заключительных разделов (без заголовков).

Уже в самом начале книги Алексей Дмитриевич называет два основных направления, характерные для данного вопроса в стране: попытка освободиться в педагогической гимнастике от старой рутины и построить этот отдел телесных упражнений на новых началах; стремление развить в среде школьной молодежи

упражнения, имеющие характер спорта. Он отмечает, что оба направления возникли и стали развиваться, с одной стороны, вследствие недовольства прежде действовавшими программами и постановлениями о телесных упражнениях в школах; с другой – под влиянием патриотических и политических стремлений [2, 5].

Далее Бутовский приводит весьма красноречивую цитату из предисловия к изданному во Франции (1891 г.) официальному учебнику гимнастики для гражданских учебных заведений: «В такой стране, как наша, обреченной, может быть, еще надолго стоять на страже с оружием в руках, физическое воспитание является патриотической и священной необходимостью».

Здесь, наверное, следует пояснить, что в те времена патриотические тенденции, связанные со стремлением к повышению роли военизированного физического воспитания во Франции, были во многом обусловлены такой активной кампанией в стране, начавшейся после поражения, которое Франция потерпела в войне с Германией в 1870–1871 гг.

Благодаря этой кампании, порожденной усилением проявлений патриотизма во французском обществе и государственных структурах Франции (в ее министерствах и ведомствах), была активизирована в учебных заведениях работа по физическому воспитанию. Однако учебные программы в данной сфере, которые были почти полностью заимствованы из соответствующих программ военно-учебных заведений, не только не вызвали заинтересованности у тех, кто обучался в гражданских учебных заведениях, но и не находили поддержки в обществе Франции.

Бутовский констатирует [5], что «...было бы ошибочно думать, что новая гимнастика и новый спорт произвели решительный и общепризнанный поворот в системе физического образования во Франции. Прежде всего необходимо отметить, что эти два направления, гимнастика и спорт, не находятся между собой в непосредственной связи. Они уживаются рядом, но развиваются совершенно самостоятельно и иногда далеко не согласны во взглядах на задачи телесных упражнений для школьной молодежи».

Отмечает Бутовский (в последнем десятилетии XIX в.) и то, что во Франции «стремление к возрождению физического воспитания ограничено пределами одного Министерства народного просвещения. В Военном министерстве, т. е. в войсках и военно-учебных заведениях, остается во всей своей силе гимнастика, очень близкая к старинной системе французских телесных упражнений, установленной еще в двадцатых годах текущего столетия. И что замечательно: до последнего времени тут весьма довольны этой гимнастикой, находят ее целесообразной не только для специально военных потребностей, но также и для общего телесного развития человека, и с некоторым снисходительным недоверием смотрят на все эти попытки переделать старинную систему. Такое недоверие становится понятным, если при-

нять во внимание, что настоящие практики и техники по телесным упражнениям образуются только в военном ведомстве и что весь контингент учителей для гражданских среднеучебных и многих низших заведений состоит из бывших военных, воспитанных на старой гимнастике» [5].

Затем Алексей Дмитриевич подчеркивает, что знакомство с французской военной гимнастикой и вообще с военно-подготовительными упражнениями представляет интерес и безо всякого отношения их к новым работам, ибо, каковы бы ни были несовершенства этой системы с педагогической точки зрения, это, несомненно, система самобытная, заключающая в себе много только ей свойственных особенностей. Это система не отжившая, действующая еще и в настоящее время и предлагаемая для выполнения серьезной задачи военного образования. В качестве наглядного примера А. Д. Бутовский [2, 5] приводит такое замечательное учреждение, как «Жуанвильская школа гимнастики и фехтования, устройству которой и практикуемому в ней обучению отдают справедливость даже крайние противники так называемой атлетической гимнастики».

Именно упомянутые выше причины побудили Бутовского в этом труде о телесных упражнениях во Франции остановиться прежде всего на военно-подготовительных упражнениях. В самом начале главы «Военная гимнастика и фехтование» Бутовский указывает на то, что во Франции для преподавания гимнастики и фехтования в войсках существуют специальные наставления: одно – руководство по гимнастике («Manuel de gymnastique approuvè par m. le ministre de la guerre le 26 juillet 1887»), другое – руководство по фехтованию («Manuel d'escrime approuvè par m. le ministre de la guerre le 18 mai 1887»).

В руководстве (наставлении) по гимнастике упражнения представлены в пяти отделах: 1) гимнастика гибкости; 2) прикладная гимнастика; 3) плавание; 4) французский бокс; 5) фехтование на палках и тростях. Как отмечает А. Д. Бутовский, первый раздел предназначается главным образом для молодых солдат; второй и третий обязательны для всех нижних чинов; четвертый и пятый отделы представляют факультативные упражнения, рекомендованные тем не менее войскам на случай, если недостаток снарядов препятствует надлежащему выполнению второго отдела.

Первый отдел включает упражнения без снарядов, бег, прыжки, упражнения с ружьем.

Второму отделу, который называется «прикладной гимнастикой», придается преобладающее значение среди всех других гимнастических упражнений. Прикладная гимнастика состоит из двух частей: 1) упражнения на аппаратах (*exercices aux appareils*); 2) упражнения на портике и его снарядах (*exercices au portique et à ses agrès*), где словом «appareil» обозначаются снаряды, не входящие в состав «портика» (городка), в том числе горизонтальная перекладина, параллельные брусья, горизонтальная лестница, горизонтальное бревно (длина

10 м, устанавливается оно на высоте 2 м и ниже), доска для восстановления, снаряд для прыжков с шестом. «Портик» же (гимнастический городок) всегда строится по одному типу: два столба высотой 4 м, находящиеся на расстоянии 6 м друг от друга, покрыты четырехгранным брусом (шириной 20 см по верхней грани и 25 см по боковому); верхняя служит для упражнений в ходьбе, а в нижнюю ввинчены крюки для развешивания принадлежащих к портику снарядов (шестов, узловатых и гладких канатов, колец, трапеций).

Третий отдел – курс плавания, которому обучаются все нижние чины, для чего в каждом полку есть специальные учителя – офицеры и мониторы (по-французски «moniteur» – инструктор, наставник). Курс состоит в обучении плаванию «лягушкой», на спине и нырянию.

Упражнений, относящихся во французской военной гимнастике к четвертому и пятому отделам (соответственно, это французский бокс и фехтование на палках и тростях), нет ни в немецкой, ни в шведской гимнастике. Как отмечает Бутовский, в том виде, как эти упражнения изложены в наставлении «Manuel de gymnastique» и как они преподаются в Жуанвильской школе гимнастики и фехтования, они очень сложные, представляют собой целые системы единоборства и разработаны как фехтовальное искусство.

Французская военная гимнастика в 90-е годы XIX в. уже не представляла собой во всей целостности той системы гимнастических упражнений, которую впервые ввел во Франции в 20-е годы XIX в. отставной испанский полковник Франциско Аморос. Однако она (эта система) в значительной степени сохранила основной ее характер: преобладание движений, требующих, с одной стороны, силы, быстроты, решительности, с другой, – специального навыка, приобретаемого продолжительным упражнением [2, 5].

Другое же наставление по физическому воспитанию во французских войсках – «Manuel d'escrime» (руководство по фехтованию) – разделяется на две части: фехтование на шпагах (escrime à l'épée ou escrime pointe) и фехтование на саблях (escrime au sabre ou escrime contre-pointe). Оба эти отдела тогда (в 90-х годах XIX в.) были обязательными для офицеров всех родов войск французской армии.

Вторую главу своей книги о телесных упражнениях во Франции, озаглавленную «Нормальная школа гимнастики и фехтования», А. Д. Бутовский посвятил, в основном, рассказу о расположенной в 6–7 км к востоку от Парижа Нормальной школе гимнастики и фехтования, более известной как Жуанвильская школа (по названию находящейся поблизости деревни Joinville-de-Pont), с работой которой Алексей Дмитриевич, получив соответствующее разрешение, довольно подробно ознакомился.

Нормальная школа гимнастики и фехтования (École normale de gymnastique et d'escrime) ведет свое начало от основанной в 1852 г. в Париже военной гимнастиче-

ской школы. Она вначале готовила только учителей гимнастики для войск, а несколько позже в ней появилось и отделение фехтования.

В соответствии с распоряжениями по организации Жуанвильской школы, изданными в 1882 г. и опубликованными в «Journal militaire official. Partie réglementaire» (№ 39), «Нормальная школа гимнастики и фехтования» имеет предметом образование инструкторов, предназначенных для распространения в частях войск однообразного способа обучения гимнастическим и фехтовальным правилам и упражнениям, а также всему тому, что может иметь связь с этими предметами с точки зрения физического воспитания солдата» [5]. На гимнастическом отделении курс обучения продолжался пять с половиной месяцев, что позволило ежегодно провести через школу два комплекта учащихся, а на фехтовальном отделении курс обучения – годичный.

На гимнастическое отделение командируются на каждый курс по тридцать подпоручиков пехоты (офицеры в возрасте не старше 26 лет, способные к телесным упражнениям и обязанностям инструктора) и нижние чины – по одному от каждого пехотного полка и по два от каждого стрелкового батальона (а в случае надобности – также и от артиллерийских и инженерных частей), наиболее способные к таким занятиям, и исключительно те, которые отбывают первый год своей воинской службы. Учащиеся фехтовального отделения – в количестве ста человек на каждом курсе – назначаются корпусными командирами из числа тех нижних чинов, которые на местных конкурсах получили низшую степень учителя фехтования. Как отмечает Бутовский, «около пяти часов занятий употребляется ежедневно на приобретение технической ловкости в специальных упражнениях, гимнастике и фехтовании», а потому «работу учеников в школе следует признать весьма значительной» [5].

Алексей Дмитриевич указывает на то, что обучение в Жуанвильской школе проводится по программам, составленным специально для офицеров-учеников, для нижних чинов гимнастического и фехтовального отделений.

В программу для офицеров-учеников входят: 1) теоретическая и практическая гимнастика (приготовительные упражнения, французский бокс, упражнения с палкой и тростью, плавание, гимнастика на снарядах); 2) фехтование на шпагах; 3) верховая езда; 4) управление пожарным инструментом; 5) гребля и управление гребным судном; 6) стрельба из револьвера; 7) физиология, анатомия и гигиена; 8) изучение строевого устава; 9) изучение вопросов, относящихся к физическому воспитанию солдата.

Программа для нижних чинов на гимнастическом отделении включает: 1) теоретическую и практическую гимнастику (как и в программе для офицеров); 2) фехтование на шпагах; 3) управление пожарным инструментом; 4) греблю; 5) стрельбу в цель; 6) теоретическое и практическое изучение строевого устава.

К программе для фехтовального отделения относятся: 1) фехтование на шпагах; 2) фехтование на саблях; 3) подготовительные гимнастические упражнения.

Ученики Жуанвильской школы после окончания установленного курса обучения возвращаются в свои воинские части: офицеры – со званием инструкторов, нижние чины – гимнасты – со званием мониторов (*moniteur* – «наставник»), фехтовальщики – со званием мониторов или же *maitre d'armes* (в переводе с французского – «учитель по оружию») – в зависимости от времени, проведенного учеником в школе.

«Разграничение гимнастики и фехтования на совершенно независимые друг от друга отделы – как отмечает А. Д. Бутовский – составляет исключительную особенность Жуанвильской школы и довольно глубоко коренится во взгляде французов на задачи телесных упражнений и на качества, необходимые учителю. Мы уже об этом говорили: учитель должен быть прежде всего техник. Но техника гимнастическая и техника фехтовальная – две вещи совершенно различные. Человек, посвятивший себя фехтованию, не может быть гимнастом, потому что полная школа французского фехтования требует такой выработанной техники, которая исключает возможность каких-либо других телесных упражнений; кроме того, он и не должен быть гимнастом, потому что акробатические упражнения могут повлиять на безупречную чистоту его фехтовальных приемов. Жуанвильские гимнасты, как мы видели, обучаются еще немного фехтованию, но жуанвильские фехтовальщики продельывают из гимнастики только самые элементарные упражнения (*exercices d'assouplissement*), и то для того лишь, чтобы размять члены, утомленные продолжительным упражнением с оружием».

Высоко оценивая уровень подготовки в Жуанвильской школе, Бутовский, в частности, пишет в своей книге: «Упражнения в беге с препятствиями в полном походном снаряжении (три раза в неделю, в заключение вечерних занятий), взлезание по канату на стену редута в 8 метров высотой, всею массою учеников, тоже в полном снаряжении, их бег по брусу портика, их *rètablissements** и упражнения на трапеции, их бокс – все это не может не произвести впечатления. Очень много проворства, силы и, если принять во внимание количество выполняемой ими работы, очень много выносливости. В своей гимнастической одежде – парусиновая куртка и шаровары с широким поясом, одноцветным для учеников и полосатым для учителей... – жуанвильский гимнаст не выглядит человеком атлетического сложения, не поражает чрезмерной мускулатурой, но в сухощавой фигуре его сказывается большая тренировка, подвижность, крепость и цепкость. Лучшие из них – настоящие акробаты на своих снарядах. Можно, пожалуй, заметить, что умелость их есть результат тяжелой и трудной школы, и потому, может быть, порыв, изобретательность, свобод-

ное соревнование отсутствуют в их упражнениях. ...Еще более благоприятное впечатление производят фехтовальщики. Тому, кто не видел фехтования в Жуанвильской школе, и именно фехтования инструкторов и *chefs de sale**, – трудно себе представить, до какой степени совершенства может быть доведено это искусство. На волном бое никакого шума, никакой суеты, нет размахов и лязга оружием, ничего грузного; короткий стук слышен только при редких аппелях; все движения эластичны, быстры, и в мало-мальски открытое место наносится верный удар. Когда видишь такое фехтование в первый раз, получается впечатление чего-то необычного, даже чего-то слишком простого, и потом уже начинаешь сознавать, что шпага в таких руках является оружием безусловно опасным. Таковы результаты специализации и настойчивой работы» [5].

Третий раздел этой книги, озаглавленный «Школьная гимнастика», А. Д. Бутовский начал с упоминания о том, как в 1820 г. отставной испанский полковник Франциско Аморок при содействии муниципальных властей открыл в Париже «нормальную» гражданскую гимнастическую школу. Однако она просуществовала недолго, а дальнейшая деятельность Ф. Аморока обратилась, главным образом, в сторону военной гимнастики, и, как отмечает Бутовский [5], «с тех пор во Франции не было других попыток образования учителей гимнастики для гражданских заведений».

Ф. Аморок разработал перспективную гимнастическую систему, призванную решать задачи оздоровления, развития мускулатуры, силы и координации в органическом единстве с их военной прикладностью и отличающуюся большим разнообразием используемых упражнений. Он разделил их на 15 групп – вольные упражнения, ходьба и бег, метания, различные прыжки, борьба, преодоление препятствий, стрельба, фехтование, верховая езда, танцы и др., причем эти гимнастические и прочие упражнения характеризовались разнообразием методик их применения на основе знаний по анатомии и физиологии. В 1830 г. в Париже вышел в свет труд Франциско Аморока «Руководство к воспитанию физического, гимнастического и морального», к которому прилагались 53 таблицы упражнений [26].

Первое министерское постановление об обязательном введении гимнастики состоялось во Франции в 1854 г. и относилось только к среднеучебным заведениям, лицеям и колледжам [2, 5].

Но после войны 1870 г. – продолжает Бутовский, – вместе с некоторыми общими мероприятиями по вопросам образования и воспитания, был выдвинут также вопрос о телесных упражнениях. При Министерстве народного просвещения была образована «центральная гимнастическая комиссия» для изучения вопросов физического воспитания. ...Первый сильный толчок был дан в начале 80-х годов XIX в. Тогдашний министр

* *Rètablissements* – восстановление.

* *Chefs de salle* – руководитель зала.

народного просвещения Поль Бер, задавшись идеей возвысить патриотический и воспитательный дух французского юношества, предписал обязательное обучение строевым упражнениям и гимнастике во всех мужских учебных заведениях Франции. Для организации этого дела составлен был «комитет гражданского и военного воспитания» [5].

Следствием реализации таких взглядов в этой сфере стало образование так называемых школьных батальонов (как попытки внесения в самых широких размерах строевого обучения и строевых порядков в низшие и средние гражданские учебные заведения). В 1883–1884 гг. во все французские школы были разосланы новые учебники гимнастики и строевого обучения.

В течение нескольких лет французы очень увлекались школьными батальонами, но мало-помалу общественное мнение охладело к ним. К тому же эти строевые упражнения, «не состоящие ни в какой связи с общим учебным и воспитательным режимом заведения и не поддерживаемые учебным начальством, перестали пользоваться значением и у воспитанников. ...Таково было положение школьных батальонов, когда в конце 1887 г. была собрана новая комиссия для пересмотра гимнастических программ. Все члены комиссии высказались против строевого обучения в школе...» [5]. Бутовский также отмечает, что во французских школах еще менее, чем строевое обучение, прививалась гимнастика, на которую в школе смотрели как на тягость.

Новому усилению интереса специалистов к этой сфере способствовала проблема, связанная с переутомлением учеников в школах. А. Д. Бутовский пишет о том, что этот вопрос, вызванный статьями таких известных врачей-гигиенистов, как Бруардель, Ланьо, Трела и др., обратил на себя внимание Парижской медицинской академии. Она – в ответ на запрос Министерства народного просвещения – высказалась в начале 1887 г. за настоятельную необходимость уменьшить количество умственных занятий, увеличить время рекреаций и установить правильные ежедневные телесные упражнения для учеников.

Министерство народного просвещения не разделило всех опасений Парижской медицинской академии и не последовало всем ее указаниям, однако симпатии французского общества склонились больше на сторону медицинской академии. А. Д. Бутовский приводит мнение по этой проблеме, высказанное в 1887 г. уважаемым во Франции педагогом – директором престижного частного учебного заведения «École Monge» в Париже А. Годаром: «Без сомнения, – говорил он, – мы еще далеки от того времени, когда могут быть выполнены реформы, требуемые нашей медицинскою корпорациею. ...Между тем, обращаясь к нашим среднеучебным заведениям, нельзя не указать на неоспоримый и для всех очевидный факт, что режим наших колледжей не есть режим наиболее благоприятный физическому развитию наших детей. Наверное, если бы мы были озабочены только их здоровьем и мускульной энергией, мы их

подвергли бы совсем другому воспитательному режиму. Итак, чтобы обеспечить за ними культуру ума, мы приносим известную жертву со стороны материального их развития. Настоящий вопрос состоит, следовательно, в том, чтобы определить, в какой мере должна быть приносима эта жертва, чтобы юношество наших колледжей могло в требуемую минуту доставить обществу тот максимум производительности, которого последнее вправе от него ожидать. ... Действительно, развитие физическое, умственное, нравственное реагируют друг на друга, и ничего нет труднее, как точно уловить это взаимодействие» [2, 5].

В результате дискуссий Министерство народного просвещения уступило требованиям общественного мнения, вследствие чего в октябре 1887 г. была образована комиссия для пересмотра гимнастических программ во французских учебных заведениях, в состав которой вошли педагоги, врачи, офицеры, учителя гимнастики, а возглавил комиссию известный ученый, профессор из Collège de France, доктор Марей.

Среди членов этой комиссии были такие видные специалисты в области физического воспитания, как заведующий лабораторией физиологической станции Collège de France Жорж Демени и врач из Лиможа доктор Фернан Лагранж.

Как отмечает А. Д. Бутовский [5], Жорж Демени представил на рассмотрение комиссии свою большую работу «Bases de l'éducation physique dans les écoles publiques», представляющую собой как бы экстракт из его ежегодных (начиная с 1880 г.) публичных чтений в Cercle de gymnastiques rationnelle, и сформулировал свои выводы в 69 предложениях, почти без изменений принятых комиссией. Доктор Фернан Лагранж представил доклад «О гимнастике в начальных школах», затем развил его основные положения в докладе «Гигиена физических упражнений», также оказавшем значительное влияние на решения, принятые комиссией.

Бутовский пишет [2, 5], что мысли о телесных упражнениях, высказанные Жоржем Демени и Фернаном Лагранжем (оба они выдвинули на видное место гигиеническое значение упражнений), «легли в основание новой постановки телесных упражнений во французских учебных заведениях».

На первый план выдвигаются естественные упражнения, а их форма, наиболее приближающаяся к требованиям природы, – это игра. Как констатирует А. Д. Бутовский, рассматривая эту проблематику в школьном физическом воспитании во Франции: игры «представляют, в сущности, метод упражнений, наиболее соответствующий гигиене юного возраста, и не подлежит ни одному из упреков, которые можно сделать гимнастике на снарядах и exercices du plancher*... Игра свойственна всем возрастам. Когда она прилагается к взрослым и юношам, она получает в наши дни название спорта.

* Exercices du plancher – упражнения на полу.

Упражнения спорта – это те же игры, но в более методической и более утонченной форме; они требуют большего развития мускульной силы, более трудных движений, более долгой выучки» [5].

Фернан Лагранж считал, что упражнениями гигиеническими (и рекреативными), а потому единственно свойственными детскому возрасту, являются только естественные упражнения, т. е. игры – как бы в противоположность упражнениям систематической гимнастике, которые доктор Лагранж ни при каких условиях не признавал пригодными для детей до 13–15-летнего возраста. Жорж Демени этот вопрос решал совсем иначе: будучи согласным в том, что физическое воспитание должно быть заключено в благоразумные пределы, он, тем не менее, утверждал, что необходимо умение наилучшим образом пользоваться своими локомоторными органами, а это умение достигается только систематическими упражнениями, т. е. гимнастикой.

Далее А. Д. Бутовский делает выводы [5]: «Сопоставляя взгляды гг. Демени и Лагранжа, мы не можем не видеть в них, в общих чертах, выражение двух крайних направлений в вопросе о телесных упражнениях, – направлений, давно уже практически осуществленных и имеющих каждое своих убежденных приверженцев. Это – шведская гимнастика, настоящая систематическая гимнастика развития и английские игры. Что это направления крайние, а потому односторонние, и что на практике они не удовлетворяют всем требованиям, какие должны выполнить телесные упражнения как воспитательное средство, – лучшим тому доказательством служит, что в Швеции, наряду с официальной систематической гимнастикой, и к некоторому неудовольствию педагогов-консерваторов, начинают сильно распространяться различные виды спорта; с другой стороны, в Англии, несмотря на то, что школьные игры и школьный спорт составляют ее народную гордость, постепенно и с возрастающей настойчивостью проникают в школу упражнения шведской гимнастики».

Соглашается А. Д. Бутовский также с окончательными положениями, сформулированными во Франции комиссией по этому вопросу следующим образом [5]: что есть два метода физического воспитания – «один, который можно назвать классическим, рекомендует гимнастику в собственном смысле слова, состоящую из регулируемых движений и упражнений на снарядах. Другой, в сущности более древний, долго остававшийся в забвении, но нашедший теперь убежденных сторонников, выдвигает благодетельное действие свободных игр и упражнений в силе и ловкости, исполняемых на воздухе». «Каждый из этих методов имеет свои выгоды, но каждый из них, прилагаемый отдельно, не достаточен для достижения предполагаемой цели, состоящей в гармоническом развитии, ради практической пользы, всех физических и нравственных сил человека».

«Истина, как это бывает почти всегда, находится между двумя системами, и решение задачи заключается в

заимствовании у каждой из них того, что в них есть наилучшего, в сочетании их и в исключении из них всего лишнего и произвольного» [5].

На основании упомянутых выше положений во Франции был разработан учебник, состоящий из двух частей. Первая часть – гимнастические упражнения – подразделяется на гимнастику развития и прикладную гимнастику, а вторая – школьные игры – включает в себе игры рекреативные и игры гимнастические.

Также Бутовский сообщает, что Демени, много трудившийся в качестве члена гимнастической комиссии во Франции, в конце 1890 г. провел несколько недель в Швеции. Судя по составленному им отчету, «наблюдения, сделанные Демени в Стокгольмском королевском гимнастическом центральном институте, не остались без влияния на дальнейшее развитие его (Демени) идей о физическом воспитании и выяснили ему, чего недостает еще для довершения реформы этого воспитания во Франции».

Бутовский [5] приводит некоторые резюмирующие выдержки из отчета Демени: «Полная система физического воспитания должна бы состоять в следующем:

1. Надо взять у англичан их гигиену, их рекреации на воздухе, не злоупотребляя во всяком случае состязаниями, в которых всегда участвует только избранное меньшинство.

2. Надо заимствовать у шведов их педагогическую и эстетическую гимнастику.

3. Надо сохранить нашу военную гимнастику с ее приложениями почти в том виде, как ее делают в Жуанвильской школе».

Четвертый раздел рассматриваемого нами труда А. Д. Бутовского «Телесные упражнения во Франции» озаглавлен им – «Школьный спорт». Алексей Дмитриевич, в частности, констатирует [5]: «Идея школьного спорта – идея не новая. Значение игр известного характера часто выставляется на вид педагогами, когда дело идет об английском воспитании. Здесь, во Франции, идея эта исходит не свыше и приводится в исполнение не по предписанию. Убежденные распространители спорта, частные лица и частные общества, основательно изучили это дело на его природной почве, в Англии и в Америке, и много работали над приспособлением игр и упражнений к французской школе и к французскому характеру. Начинания их были встречены вначале с недоверием, высказывались и высказываются опасения и предупреждения, но в течение пяти лет школьный спорт распространяется все шире и шире; он захватил уже многие среднеучебные заведения во Франции и, к добру ли или к худу, там, где он вводится, он заметно отодвигает на последний план систематические телесные упражнения».

В качестве примера А. Д. Бутовский приводит частное учебное заведение «Ecole Monge», руководству которого принадлежит почин организации игр и свободных упражнений на воздухе.

В своем отчете за 1888 г. директор «Ecole Monge» А. Годар отметил, в частности: «Ежедневно определенная партия наших учеников отправляется на принадлежащих школе омнибусах в Булонский лес и проводит там три часа... Каждый день сотня учеников берет уроки верховой езды. Мы обязаны этим администрации Акклиматизационного сада. Желая популяризировать верховую езду, она предложила нашим ученикам один урок в неделю за четыре франка в месяц... Пока манежи наполнены дебютантами, наши настоящие всадники скачут по аллеям леса... На pelouses de Madrid вам трудно было бы узнать наших учеников, занятых игрою в крикет и football. Форменное платье исчезает. Нет больше берета и куртки. В страстной, но в сущности целесообразной беготне мелькают открытые голы, фланелевые рубашки, цветные джерси разных клубов, под предводительством старшин, пользующихся безусловным авторитетом... Придите, господа, посмотреть на это зрелище, и вы сами увидите, что с небольшим запасом доброй воли, умения и авторитета можно внушить нашим ученикам самое живое расположение к свойственным их возрасту играм, и почувствуете ту огромную выгоду, какую можно извлечь из этих упражнений для физической и нравственной гигиены юношества... Мы спустили на большое озеро флотилию из двенадцати четырехвесельных иол, устойчивых и изящных лодок, которыми наши ученики, благодаря своему превосходному профессору, управляют уже с большой ловкостью. Гребля очень понравилась, и мы поощряем ее всеми силами, считая, что нет для юношества лучшего спорта... Эти начинания удостоились высокого внимания: прошедшего 10 декабря наши школьные игры посетил президент республики. Мы счастливы и благодарны за это громкое выражение участия к преобразованию нашего школьного режима» [5].

Примеру «Ecole Monge» последовали и некоторые другие частные школы Франции, первой из них была «Ecole Alsacienne».

Под влиянием таких полезных начинаний при Министерстве народного просвещения этой страны был сформирован Комитет для распространения телесных упражнений в воспитании, возглавляемый видным государственным и общественным деятелем Франции Жюль-Симоном.

К этим инициативам подключились не только частные школы, но и государственные учебные заведения, например, большой лицей «Janson de Sailly», расположенный вблизи Булонского леса.

Отмечает А. Д. Бутовский и то, что во Франции распространению спорта способствовали в 80-х годах XIX в. также частные атлетические общества. Одно из них – «Союз спортивных обществ Франции» – основали Жюль Симон и Пьер де Кубертен; основателем другого – «Лиги физического воспитания» – стал Паскаль Груссе, а председателями его были два члена академии наук – Марей и Бертелло.

Наиболее активно развивался «Союз спортивных обществ Франции»: основанный в 1887 г., он в 1890 г. включал в свой состав четыре атлетических общества и десять школьных ассоциаций, а в 1892-м – 61 атлетическое общество, в том числе до 40 школьных ассоциаций. Ежегодно «Союз спортивных обществ Франции» организовывал разные национальные, межклубные, межшкольные соревнования и даже международные конкурсы. Другая организация – «Лига физического воспитания» – проводила ежегодно не менее четырех состязаний [2, 5].

В завершение своего труда «Телесные упражнения во Франции» А. Д. Бутовский указывает на то, что «когда между спортом и подвижною «рекреативною» игрою проводится разграничительная линия и когда спорт обособляется как единственный или хотя бы даже преобладающий род телесных упражнений в школе, то, вместе с искусственным подъемом интереса к телесным упражнениям, является возможность некоторых неудобств в воспитательном отношении, которые никак не следует упускать из виду, так как многие из них при этом условии неустранимы. Не стану утверждать, но думаю, что в некоторых частных случаях это подтвердилось уже и на практике во французских школах. Спортсменский дух не всегда гармонирует с правильно и трезво поставленными задачами телесного и нравственного воспитания. Я не хочу сказать этим, что упражнения спорта должны быть изгнаны из школы. Я далек от того, чтобы отрицать воспитательное значение атлетических игр. Напротив, они должны распространяться и поддерживаться. Но желательно, чтобы они стояли в самой тесной связи и с рекреативной игрою, и с систематической гимнастикой, составляя с ними одно целое и являясь высшей ступенью телесных упражнений в школе. Тогда вся масса старших учеников будет к ним постепенно подготовлена. Желательно также, чтобы атлетические упражнения были доступны каждому и со стороны их стоимости. Что же касается страстного любительства, искусственно поддерживаемого устройством ассоциаций, состязаниями, призами и пр., то это не единственный и даже не лучший путь для прочной и целесообразной постановки телесных упражнений в школе» [5].

О СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В АНГЛИИ

В Англии А. Д. Бутовский побывал в 1899 г. в одной из своих зарубежных служебных командировок. Знакомление Алексея Дмитриевича с английской системой физического воспитания, анализ и обобщение разных компонентов ее специфики были изложены им не только в служебных отчетах после возвращения из этой командировки, но и в таком труде, как «Воспитание и телесные упражнения в английских школах» [7], изданном в Петрограде в 1915 г., а также использовались А. Д. Бутовским и в ряде других работ.

В самом начале работы «Воспитание и телесные упражнения в английских школах» Бутовский отмечает:

«Об английских школьных упражнениях много говорят и пишут. Их противопоставляют систематической гимнастике как нечто более естественное, занимательное и веселое и потому без сравнения более выгодное для физического развития учеников» [7].

В то же время Алексей Дмитриевич старается найти ответ на вопрос о том, почему в континентальных (во Франции, Швеции, России и других странах) учебных заведениях «подвижные игры не занимают и никогда не занимали такого большого места, какое им отведено в английских школах», – и констатирует, что это объясняют особенностями народного характера [7]. Далее А. Д. Бутовский продолжает: «Разумеется, народный характер оказывает тут свое влияние, но на таком объяснении остановиться нельзя. Есть более непосредственные и близкие причины того, что английские игры не прививаются в наших школах, и на эти причины, кажется, не всегда обращают внимание. Это воспитательные и учебные порядки английских школ. Конечно, и эти порядки зависят от народного характера, как и все другие явления народной жизни, но для разрешения занимающего нас вопроса надо серьезно разобраться в этих порядках и выяснить себе, какие именно из них особенно благоприятствуют широкой постановке спортивных игр, и не потому ли эти игры у нас не прививаются, что воспитание в наших школах вообще основано на иных педагогических принципах».

Именно поэтому А. Д. Бутовский из одиннадцати разделов рассматриваемого нами труда собственно физическому воспитанию в английских школах посвятил только пять (VII–XI), а в шести разделах (I–VI) автор, который делится своими впечатлениями от посещения ряда учебных заведений в Англии, анализирует вообще систему школьного воспитания в этой стране, где он, в частности, ознакомился с четырьмя школами – в Гарроу (Harrow), Регби (Rugby), Итоне (Eton) и Далвиче (Dulwich) и с двумя военными училищами – в Сэндхерсте (Sandhurst) и Вулвиче (Woolwich). Причем свои наблюдения Алексей Дмитриевич сопоставлял и с различными печатными изданиями на эти темы – как документальными (в частности, с официальным докладом парламентской комиссии 1862 г. в библиотеке Британского музея), так и с художественными произведениями «из школьной жизни», изданными в Англии, переведенными на русский язык и переизданными в России.

Бутовский поясняет, что когда говорят о воспитании в английских школах, то «обыкновенно подразумевают большие английские среднеучебные заведения, называемые «общественными школами» (public schools)», которые являются типичными примерами английского школьного устройства и не имеют ничего себе подобного в других европейских государствах. Причем таких типичных английских общественных школ сравнительно немного. В частности, упоминавшаяся выше парламентская комиссия в 1862 г. исследовала деятельность только тех девяти общественных школ (это Гарроу,

Итон, Винчестер, Вестминстер, Чартерхаус, Святого Павла, Общества портных, Регби, Шрусбери), которые, как пишет Бутовский, задают тон всему общественному английскому воспитанию. Главная характерная черта названных школ – почти все они основаны не позднее XVI в., причем на частные средства благотворителей. Устройство такой школы и управление ею жертвователем или завещателем поручал совету из выбранных им лиц [7]. Все такие школы принадлежат к типу закрытых учебных заведений и располагаются они, по большей части, вдали от населенных пунктов.

Другой отмеченной Бутовским большой особенностью английских общественных школ является их независимость от какого бы то ни было правительственного руководства [7]. Обращается внимание и на то, что в связи с довольно высоким уровнем платы за обучение в общественных школах такого типа воспитываться могли только дети состоятельных людей.

Учебный курс общественных английских школ до половины XIX в. был построен на преобладающем изучении древних языков – латинского и греческого; другие общеобразовательные сведения занимали подчиненное место и являлись как бы дополнением к основной задаче курса [7].

С конца XVIII в. все такие школы, подчиняясь требованиям общественного мнения, ввели у себя три параллельных курса: классический (classical side), современный, или реальный (moderne side) и военный (army and navy classes). После окончания первых двух курсов ученики переходили в Оксфордский и Кембриджский университеты, а после третьего – в военные училища (Сэндхерст и Вулвич).

В классическом отделе основными предметами считались древние языки (латинский и греческий), богословие, английский язык и английская литература, география и история, а к второстепенным предметам относились математика, новые языки и естественная история (естествознание). В современном (реальном) курсе новые языки и естествоведение входят в число основных предметов, а литературный и исторический курсы соответственно уменьшены. Военный же отдел не является законченным курсом, он имеет подготовительный (к предстоящему поступлению в военные училища) характер, причем в число главных его предметов включена математика и сравнительно ограничены объемы изучения тех предметов, которые входят как основные в курсы других отделов [7].

Воспитанники таких школ, которые успешно окончили школьный курс обучения (т. е. дошли до высшей ступени по всем предметам и удовлетворительно сдали экзамены), получают право на переход в университеты.

Бутовский также отмечает [7], что принцип поощрения и наказания, «как за учебные работы, так и вообще за выдающиеся в хорошую или дурную сторону проявления в жизни воспитанников, поставлен в английских школах гораздо более определенно и неуклонно, чем

в воспитательных заведениях всех других европейских государств».

Мерой поощрения, получившей большое развитие в английских школах, являются премии и призы за учебные работы. К числу мер наказания нерадивых учеников относятся сверхурочные штрафные учебные и письменные работы во внеурочное время. К проступкам же учащихся в нравственной сфере в английских школах относятся несравненно строже, и в числе мер наказания – телесные наказания (розги), которые в те времена, когда А. Д. Бутовский посетил Англию (в конце XIX в.), сохранялись во всех английских общественных школах [7].

От изложения общих черт системы воспитания в школах Англии А. Д. Бутовский в разделах VI–XI анализируемого нами труда переходит к рассмотрению физического воспитания учащихся [7], отмечая, что в их воспитательном режиме основное место занимают такие большие подвижные игры, как футбол и крикет, а также используются и некоторые другие (малые) игры, в частности рэкетс (rackets) и файвз (fives).

Широкое увлечение спортом в английских общественных школах, в колледжах и университетах явилось воплощением и следствием проведенной в этой стране реформы образования. Одним из общественных деятелей Англии, внесшим весьма весомый вклад в реализацию этой реформы образования и в развитие английской системы физического воспитания, стал Томас Арнольд, который был директором школы Регби в течение четырнадцати лет – с 1828 по 1842 г.

А. Д. Бутовский отмечает, что, как и большинство директоров таких английских школ, Томас Арнольд «принадлежал к духовному званию, был доктором богословия. При большой литературной деятельности, он ничего не написал по педагогике, но в отличие от педагогов-теоретиков, иногда совсем незнакомых с практикой воспитания, он весь жил в юношеском мире и на свою воспитательную задачу смотрел как на задачу жизненную, в которой теория неотделима от практики. Воспитательный идеал Арнольда был прост, но, может быть, потому и трудно выполним на практике. Задача воспитания заключалась у него в том, чтобы сделать из ребенка «христианина и джентльмена». Он сам был джентльменом до мозга костей. «Арнольд, – говорят люди, его знавшие, – приучал своих воспитанников уважать свое слово, как подобает всякому джентльмену» [7]. Преподавание было для Томаса Арнольда могучим средством воспитания. Он сам занимался воспитанием старшеклассников по своему подобию, и затем поручал им – как миссионерам – младших воспитанников школы. При этом Арнольд строил взаимоотношения с воспитанниками как со взрослыми людьми, тем самым поощряя их стать таковыми. Приглашая школьников к себе в гостиную на чаепитие, он принимал их с уважением как своих молодых друзей.

Далее А. Д. Бутовский сообщает, что Томас Арнольд взял на себя дополнительно и обязанности капеллана (священника) в школе, причем без отдельного возна-

граждения за это. Он стремился влить христианский дух в систему школьного воспитания и научить мальчиков руководствоваться в их работе и в развлечениях христианскими принципами – чтобы сделать из них не просто школьников, а нравственных и порядочных людей. Проповеди, проводимые Арнольдом в воскресные дни в капелле, где собиралась вся школа, продолжались не более четверти часа или двадцати минут, и, тем не менее, все показания единогласно свидетельствуют о глубоком впечатлении, которое они всегда производили [7].

В ознаменование доверия к своим воспитанникам Т. Арнольд открыл связанные между собой школьную библиотеку и школьный музей для бесконтрольного пользования учениками старших классов. Для того чтобы возникающие среди молодежи интеллектуальные и нравственные запросы получили естественный исход, Арнольд учредил «Debating Society» (Общество прений), где старшеклассники периодически собирались по собственному почину, и каждый из них имел право вписать в особую книгу вопрос, который он считает достойным обсуждения.

Чтобы удовлетворить естественные потребности учеников школы в движении на просторе, в развитии своих физических сил и упражнениях состязательного характера, великий английский педагог приложил много забот для приспособления к школе больших народных игр [7]. При этом, как отмечает Бутовский, сам Арнольд был любителем упражнений и в молодые годы охотно принимал участие в играх и упражнениях вместе с учениками. Он не только упорядочил в школе старинную игру в крикет, но и заметив, что старшие школьники охотно играют в футбол – как простонародную игру, с которой они познакомились за несколько лет до того, – Арнольд способствовал такой разработке этой игры, при которой футбол стал применимым как здоровая школьная игра, дающая человеку бодрость и силу. Так была создана известная ныне игра в футбол по правилам Регби, и тем самым было положено начало упорядочению атлетических игр в английских школах [7].

Порядки, установленные Томасом Арнольдом в Регби, стали применяться и в других английских школах, а также оказали влияние на жизнь и быт в университетах Англии.

Одним из непреходящих типичных объектов английской общественной школы являются «playgrounds» – площадки для игр. Они, как отмечает А. Д. Бутовский, подразделяются на два разряда: одни предназначаются для игры в крикет, другие – для игры в футбол.

Далее Алексей Дмитриевич называет причины, отличающие особую роль крикета и футбола в жизни английских школьников: «Во-первых, игра в английской школе есть чисто ученическое учреждение. Школа заботится о доставлении для этого всех удобств. Она покупает поля; дает время для игр; имеет в своих руках несколько призов. Но самая игра находится в руках учеников. Учителя могут принимать участие в игре и

принимают, но дальше этого они не имеют никакого отношения к игре. Во время игры, хотя бы тут была в сборе вся школа, никакое должностное лицо не присутствует. Зрителем можно быть сколько угодно, но распоряжаться, вмешиваться – нельзя. Это не принято, да этого и не нужно. Игра является таким образом как бы противоречием учебному делу. Одно целиком находится в руках старших, другое – целиком в руках учеников» [7].

Далее Бутовский продолжает: «Во-вторых, эти игры ведутся не для одного только препровождения времени. С ними связаны серьезные корпоративные и личные интересы учеников. Каждая школа ежегодно состязается и в крикет, и в футбол с другими школами. Так, Гарроу ежегодно состязается в крикет с Итоном, в свою очередь, Итон имеет состязание с Винчестером и пр. Состязаются на переходящие призы, и обладание призом в течение года считается величайшим почетом. Кроме того, каждая школа имеет периодические состязания с университетскими спортивными кружками и с представителями различных спортивных клубов» [7].

Алексей Дмитриевич объясняет, почему английские игры не прививаются в российских учебных заведениях: «Английские школьники играют при таких условиях, какие наша школа не может дать своим воспитанникам. Эти условия совсем не отвечают нашим взглядам на воспитание...» [7]. Затем он продолжает: «Во Франции, где школьный спорт как будто начал прививаться, от директоров лицеев стали поступать заявления, что эти игры нарушают нормальное течение школьной жизни, что спортивные ассоциации представляют нежелательный элемент, с точки зрения школьной дисциплины, и мало-помалу спортивное увлечение улеглось. Надо сказать, что и сами ученики в континентальных школах не отдаются этим играм с такой страстью, как английские школьники. Для этого надо чувствовать себя полным хозяином своего дела и надо иметь тот спортивный огонь, который возбуждается у английских школьников широкою системою призов во всех отраслях их школьной работы. Ничего этого континентальная школа дать не может, так как это прямо идет вразрез с установившимися в ней педагогическими принципами. Надо также прибавить, что наши континентальные школы нигде не располагают такими обширными полями для игр, как английские общественные школы» [7].

Продолжая рассмотрение системы физического воспитания учащихся в английских школах, А. Д. Бутовский констатирует, что, помимо таких спортивных игр, как крикет, футбол, рэкетс и файвз, других школьных атлетических игр в Англии нет. Лаун-теннис – игра в этой стране очень распространенная, но не в школах. Спортивными упражнениями индивидуального характера – состязаниями в ходьбе и беге, в прыжках, в продолжительном беге с препятствиями и т. п. – ученики английских школ в учебное время не занимаются, поскольку их интересы слишком поглощены большими спортивными играми, в которых они должны отстаивать первенство своей школы.

Отмечает А. Д. Бутовский также, что в английских школах довольно большое место отведено строевым упражнениям и что во многих средних школах этой страны существуют военизированные отряды добровольцев, ведущие свою историю еще с самого начала XIX в., когда англичанам грозило французское нашествие.

Констатировал Алексей Дмитриевич и то, что до второй половины XIX в. в английских школах не было гимнастики как самостоятельного предмета обучения. Дело в том, что в Англии гимнастика – занятие чужеземное, слишком методическое и слишком скучное, что совсем не отвечает нравам английских школьников, притом гимнастику делают всегда в закрытых помещениях и, следовательно, гигиеническое ее влияние сравнительно с играми, по мнению английских педагогов, невелико [7]. Однако со временем гимнастика стала преподаваться в общественных школах Англии. Как отмечает А. Д. Бутовский, везде по английскому обычаю для этого выстроены особые здания; преподаватели – отставные военные инструкторы по рекомендации из военной английской школы в Альдершоте, а в некоторых школах, как в Гарроу, общим заведующим этим делом (супер-интендантом) состоит отставной офицер. Обязательно обучаются гимнастике младшие и средние ученики; из старших занимаются только желающие, но их всегда довольно много. Система упражнений такая же, как и для войск. В основании своем это система Клиаса, обработанная Мак-Лареном, учебник которого принят для руководства в войсках [7]. Как и по всем отраслям обучения, по гимнастике установлены также периодические состязания между школами. Кроме того, почти во всех английских школах желающие из старших воспитанников упражняются в приемах бокса.

В Итоне преподается фехтование. Причем оно начало популяризоваться там еще с XVIII в., когда учителем фехтования был такой известный мастер, как Анжело Малевольти. После смерти этого специалиста его сын – Анжело Малевольти младший, который учился в Итоне, – стал там учителем фехтования, заняв место отца и продолжив его дело.

Итон расположен на Темзе, поэтому старшие школьники занимаются греблей, а в Гарроу и в Регби, которые находятся не на реках, такого вида спорта, как гребля, нет, но там, как и в большинстве других школ, как пишет Бутовский, обращено «большое внимание на приучение воспитанников к купанию и на обучение плаванию».

В завершающем разделе рассматриваемого нами труда А. Д. Бутовский обобщает свои впечатления и сделанный им анализ [7]: «Телесные упражнения в английских школах – большие и малые подвижные игры, военные упражнения, гимнастика, гребля, плавание – все поставлены на почву состязания и твердо прививаются в школах только благодаря этому условию. По сравнению с нашей гимнастикой это не учебные предметы, а разные виды школьного спорта. Мне кажется, что только с этой точки зрения их и можно рассмат-

ривать... Английские школьники, играя в футбол и крикет, занимаясь строевыми упражнениями, плаванием, стрельбой, малыми играми, проводят в движении, на свежем воздухе, при всякой температуре, два-три, даже четыре часа в день. Это, без сомнения, закаляет их физически, приучает их к работе и в холодное, и в жаркое время и тем самым укрепляет их здоровье. Упражнений, равных по их гигиеническому значению, наши закрытые заведения не дают своим ученикам. Надо прибавить, что английские школьники играют в свои игры с неведомым у нас увлечением, и, хотя мы и считаем принцип состязания антипедагогическим, мы должны, однако, признать, что это увлечение является именно следствием серьезного состязательного характера английских игр и упражнений. Вместе с тем, едва ли можно серьезно отрицать, что всякая работа, поставленная в условия состязания, развивает очень ценные для жизни душевные качества: настойчивость, упорство в достижении цели, мужество, находчивость, уверенность в своих силах и умение ими пользоваться».

В то же время А. Д. Бутовский указывает и на то, что «состязательные упражнения имеют и свою обратную сторону. По большей части на таких состязаниях оценивается не качественная, а количественная сторона работы, которую спортсмены и стараются доводить до крайних пределов».

Далее Алексей Дмитриевич обращает внимание на то, что английские школьные игры заключают в себе также слабые стороны упражнений спортивного характера. Ученик специализируется на приемах футбола или крикета и, конечно, нельзя утверждать, что этим успешно выполняется вся задача его физического воспитания.

Бутовский приходит к выводу о том, что истина, по мнению французского специалиста Марая, лежит посередине: нужны игры, нужна и гимнастика, и это – в одинаковой степени. «В английских школах есть гимнастика, но она занимает очень скромное место сравнительно с играми, которые находятся в полном распоряжении учеников. Перенести в наши школы английские спортивные игры на таких же началах, на каких они существуют там, мы не можем. Но мы сделали бы очень много, если бы по примеру английских школ дали нашим ученикам возможно больше простора и возможно больше времени для телесных упражнений вообще; если бы мы отрешились от предубеждения против всякого рода состязательной работы и если бы рядом с подвижными играми, детскими и спортивными, мы поставили правильно организованную систему гимнастических упражнений. Заботиться о перенесении к нам именно английских спортивных игр нам и не нужно; у нас найдутся и свои спортивные игры, и состязательные упражнения, надо только уметь, с одной стороны, несколько освободить их от учебных требований, с другой – органически связать их методическими телесными упражнениями (гимнастика, строевое обучение, плавание, танцевание, пение)», – заключает А. Д. Бутовский [7].

УЧАСТИЕ А. Д. БУТОВСКОГО В ВОЗРОЖДЕНИИ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР И СОЗДАНИИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ОЛИМПИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Во время посещения Франции в ходе одной из своих зарубежных командировок (в 1892 г.) генерал Алексей Дмитриевич Бутовский познакомился с видным французским общественным и спортивным деятелем, просветителем, историком, педагогом, литератором и социологом бароном Пьером де Кубертеном [3, 5].

В те годы Пьер де Кубертен вместе с Жюлем Симоном возглавлял «Союз спортивных обществ Франции». Генералу Бутовскому, как он отмечал в одном из своих трудов [5], было очень интересно «ближе познакомиться с идеями французских спортсменов о том, что такое спорт, какие упражнения относятся собственно к области спорта, какие надежды возлагаются на их воспитательное воздействие, какой характер должны иметь ученические ассоциации и устраиваемые для них состязания и т. д.». Поэтому Бутовского интересовало мнение Кубертена по этим и ряду других вопросов, что нашло свое отражение как в их личных контактах, так и в переписке между ними.

В то же время и А. Д. Бутовский привлек внимание Пьера де Кубертена как весьма опытный специалист в теории и практике физического воспитания и спорта, хорошо знакомый с их историей от Древней Греции, включая античные Олимпийские игры и виды атлетических состязаний, входивших в их программы, и Древнего Рима, до средних веков – вплоть до XVIII–XIX вв. нашей эры [10].

Интерес Кубертена и Бутовского друг к другу оказался взаимным. И, судя по всему, не только Пьер де Кубертен оказал влияние на воззрения Алексея Бутовского в области спорта, Олимпийских игр и международного сотрудничества в этих сферах, но и взгляды такого глубоко образованного и высокоэрудированного специалиста, каким уже тогда был Алексей Дмитриевич, также в известной мере повлияли на Кубертена. Об этом же свидетельствует и их оживленная переписка в первой половине 90-х годов XIX в. и в последующие годы.

С учетом всего упомянутого выше, вполне понятно, что побудило Пьера де Кубертена (в тот период стремившегося подключить видных деятелей физического воспитания и спорта из разных стран к реализации идеи возрождения Олимпийских игр в современных условиях и на международной основе) привлечь к этому и такого опытного специалиста, как Алексей Бутовский. К тому же, учитывая огромную масштабность Российской империи и ее авторитет в мире, Пьер де Кубертен не мог оставить эту большую страну вне поля своего внимания в ходе инициированных им процессов, направленных на создание в мире – и в как можно большем количестве стран – такого общественного «клима-

та», который был бы благоприятным для претворения в жизнь идей создания международного олимпийского движения и возрождения Олимпийских игр [25].

На предложение П. де Кубертена А. Д. Бутовский активно откликнулся – участвовал в подготовке к учредительному конгрессу 1894 г. в Париже, а затем принял участие в этом историческом форуме, на котором вошел в состав сформированного там Международного олимпийского комитета – как член МОК для России [1, 26–28]. В одном из своих писем к П. де Кубертену А. Д. Бутовский, в частности, писал: «Я испытываю гордость в связи с тем, что выбор Международного атлетического конгресса пал на меня как на члена Международного Комитета для России. В течение многих лет я посвящаю свою деятельность моральному и физическому воспитанию молодежи. Именно поэтому я чувствую себя обязанным с благодарностью принять эту почетную миссию, возложенную на меня организацией с большим будущим. ...Я не вижу причин, которые смогли бы помешать мне присутствовать в 1896 г. в Афинах на первых Олимпийских играх» [26].

Генерал Бутовский, который в 1896 г. находился в зарубежной командировке с целью ознакомления с системами физического воспитания в разных европейских странах, весной того же года как член Международного олимпийского комитета прибыл в Афины, которые на конгрессе 1894 г. были выбраны местом проведения Игр I Олимпиады современности.

После Олимпийских игр Алексей Дмитриевич изложил свои впечатления о них и связанные с этим размышления в опубликованной в 1896 г. в журнале «Русское обозрение», а в дальнейшем вышедшей в свет несколькими отдельными изданиями в разные годы работе «Афины весной 1896 года» [3]. В этом труде А. Д. Бутовский, проявивший ко всему еще и большой талант аналитика и публициста, не ограничился созерцательной позицией простого наблюдателя Игр I Олимпиады, а всесторонне осмыслил происходившее там и проанализировал все, включая не только организационные, политические и другие аспекты подготовки и проведения Игр и их спортивных соревнований, но и тогдашнюю обстановку вокруг этого международного мероприятия – как необычайно значимого с точки зрения развития спорта, так и имевшего большой общественный резонанс во всем мире.

Ознакомление со сравнительно небольшой по объему, но весьма емкой и многогранной по содержанию работой А. Д. Бутовского «Афины весной 1896 года» производит впечатление прежде всего наглядно проявившимися в ней аналитическими способностями Алексея Дмитриевича, которые базировались на его высокой образованности и культуре, что дало ему возможность на довольно ограниченном фактическом материале Игр I Олимпиады современности увидеть и осмыслить немало разных процессов и явлений, многие из которых впоследствии так или иначе проявились в дальнейшей

истории развития олимпийского движения и олимпийского спорта.

Отметив прежде всего, что Олимпийские игры в Афинах удалась и были проведены «с выдающимся, можно сказать, с исключительным успехом», А. Д. Бутовский подчеркнул и огромные преимущества таких Игр для формирования национального самосознания и патриотизма греческой нации (тем более, что день открытия Игр совпал с празднованием 75-летней годовщины освобождения Греции от турецкого ига), для развития города-организатора Игр, для повышения роли физического воспитания и спорта в жизни людей и, конечно же, для развития международного сотрудничества [3].

Алексей Дмитриевич отметил и большую роль олимпийских соревнований как арены «невероятного проявления нравственной и физической энергии» человека, и то, что Олимпийские игры – это лучшее средство для популяризации разных видов спорта и двигательной активности, а также для строительства спортивных сооружений. Он также обращает внимание на то обстоятельство, «что всего лишь два года тому назад в Греции почти не знали ни спорта, ни гимнастики* и что весь этот подъем в пользу телесных упражнений совершился, как говорят, именно в ожидании Олимпийских игр. Если это так, то согласие греческого правительства на устройство первых Олимпийских игр в Афинах сослужило для Греции хорошую службу. Греческие атлеты численностью своей... превосходили всех остальных вместе взятых» [3].

В своем труде «Афины весной 1896 года» А. Д. Бутовский осветил и такие общественно важные вопросы, как связанное с подготовкой и проведением Игр I Олимпиады сплочение вокруг олимпийских торжеств разных слоев греческой нации – от короля и его семьи до простых граждан страны – и стремление превратить их не только в национальный, но и в международный праздник, в арену для объединения людей разных стран вокруг олимпийских идеалов [3, 26].

Алексей Дмитриевич не оставил без внимания и носившие политический характер проблемы, которые возникли уже при подготовке и на самих Играх I Олимпиады, в том числе безуспешные попытки прессы некоторых стран унижить Грецию как страну, якобы не способную к проведению Олимпийских игр, а также попытки бойкота этих Игр в Афинах со стороны немцев в связи с тем, что идея возрождения Олимпийских игр принадлежала французам, и т. д. [3].

*Пожалуй, утверждение о том, что за два года до Игр I Олимпиады современности (т. е. в 1894 г.) в Греции почти не знали спорта, вряд ли соответствует действительности, ибо еще в 1859 г., а потом в 1870-м, 1875-м, 1877-м и 1889-м годах в этой стране проводились игры «Панэллинской Олимпиады», инициатором которых был богатый землевладелец и меценат Евангелис Цаппас, а затем его последователи. Впрочем, надо отдать должное сомнению А. Д. Бутовского, отметившего (в приведенной нами цитате): «Если это так...».

С явным сожалением отмечает А. Д. Бутовский в своем труде «Афины весной 1896 года», что «русский элемент отсутствовал на этих международных празднествах. Приехавший из России г. Ф. Р., рекомендовавший себя страстным спортсменом и записавшийся, было, даже на борьбу, в решительный момент, по причинам мне совершенно неизвестным, не вышел на арену. Лучше было бы, конечно, если б он и не записывался, так как этим он только лишний раз обратил всеобщее внимание на отсутствие русских. Был тут и еще один молодой человек из России; он был избран даже в состав жюри по велосипедному спорту. Но по происхождению своему он не русский, а грек из Одессы. Фамилия этого симпатичного знатока велосипедной езды – Маврокордато. Других приезжих соотечественников, привлеченных сюда собственно интересом к Играм, за все время пребывания моего в Афинах я не встречал» [3].

Следует, пожалуй, отметить и прозорливость Алексея Дмитриевича, который еще на заре создания современного международного олимпийского движения осознал и отметил в своем труде большую роль атлетов, участвующих в Играх, в качестве примера для молодежи, акцентируя внимание на удивительных физических и нравственных качествах спортсменов, проявляющихся в физических упражнениях и невероятных в обычной жизни [3].

Говоря об Играх I Олимпиады 1896 г. в Афинах, А. Д. Бутовский отмечает [3], что молодежь «собралась сюда отовсюду, чтобы всенародно и добровольно проявить такие акты нравственной и физической энергии, какие в практической жизни, даже человеку, обреченному на физический труд, приходится проявлять разве случайно, в самые критические минуты жизни. Она была готовая к этому, тренированная. Вот почему обыкновенно это народ бодрый, закаленный, с тем оттенком уверенности в своих силах, который дает возможность спокойно и жизнерадостно смотреть на мелочные и прозаические явления повседневной жизни. Все они всецело поглощены интересами предстоящего состязания, а потому это народ деловитый, не расточающий запаса своих сил на какие-нибудь шумные и беспорядочные развлечения и удовольствия. Многие ради тренировки ведут строго размеренный и скромный образ жизни. Вообще это люди спокойные и в общественных своих отношениях очень уживчивые. Наконец, что, может быть, важнее всего, это не профессиональные атлеты, а любители. Атлетизм для них не ремесло, а любимое дело, которому они посвящают свои досуги. Они не только не смотрят на него как на занятие, дающее какую-нибудь материальную выгоду, но, напротив, сами приносят ради него материальные жертвы, обставляя его известными требованиями удобства и изящества в костюме, в снарядах, в обстановке своих клубов и обществ, и наконец, расходуясь на отдаленные путешествия. Аматеризм, как называют это англичане, в отличие от профессиональных занятий упражнениями, стоял капитальным условием для допущения к участию в Олимпийских играх».

В своей работе «Афины весной 1896 года» А. Д. Бутовский отметил также то, как на личность атлета влияют его национальные черты и особенности вида спорта, а наряду с этим показал, как развитием спорта и отношением к нему в разных странах определяются поведение спортсменов, уровень их мастерства и достижений [3]. А. Д. Бутовский уделил внимание и происходившей там во время Игр I Олимпиады деятельности Международного олимпийского комитета (в греческую столицу приехали семь из 14 членов МОК). Он отметил, что «международный комитет, в составе семи членов, собирался ежедневно, во-первых, для обсуждения в своей среде, в какой степени совершающиеся Игры отвечают намерениям и предложениям международного конгресса; во-вторых, для определения программы своих будущих действий, в особенности, по образованию международного союза атлетических обществ, наконец, для определения тех центров, в которых должны иметь место предстоящие Олимпийские игры» [3], а также изложил суть решений, принятых МОК в Афинах.

В завершение Алексей Дмитриевич подчеркнул: «Периодическое повторение международных Игр на будущее время обеспечено... идея международных Игр была счастливой идеей. Она ответила насущной потребности современного человечества, потребности физического и нравственного возрождения молодого поколения. Признаем же долю заслуги на пользу этого дела и за молодым французским деятелем, бароном де Кубертенем, который первый выдвинул идею международных состязаний на парижском конгрессе 1894 г., и за конгрессом, который единодушно принял эту идею, и наконец, за греческим правительством, которое взяло на себя трудную задачу осуществления этой непопулярной еще в то время идеи и выполнило эту задачу с таким выдающимся успехом» [3].

РОЛЬ А. Д. БУТОВСКОГО В РАЗВИТИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, СПОРТА И ОЛИМПИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Оценивая вклад А. Д. Бутовского в развитие физического воспитания и спорта в России, вернемся к рассмотренным в некоторых предыдущих разделах этой статьи служебным командировкам Алексея Дмитриевича в ряд европейских стран в 90-е годы XIX в., направленным на изучение зарубежного опыта с целью последующего лучшего из него использования в совершенствовании соответствующих отечественных систем.

Следует сказать о том, что эти зарубежные командировки А. Д. Бутовского по заданию Главного Управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) в 90-е годы XIX в. в известной мере стали следствием того, что примерно за полтора десятка лет до этого остались невыполненными аналогичные задачи, которые в 70-е годы XIX в. Военное министерство России поставило перед известным

российским ученым Петром Францевичем Лесгафтом, предложив ему поехать в зарубежную командировку для ознакомления с постановкой работ по физическому воспитанию в разных государствах Западной Европы. П. Ф. Лесгафт, приняв предложение Военного министерства России, весной 1875 г. выехал в такую командировку, в ходе которой посетил Германию (побывав в Пруссии, Саксонии, Баварии, Баден-Вюртемберге), Швейцарию, Францию, Австрию, Швецию, Данию, Нидерланды и Великобританию, а летом 1876 г. совершил вторую зарубежную командировку в европейские страны, посетив Францию, Швейцарию и Италию. Лесгафт должен был, как предварительно оговаривалось перед этими его поездками в Европу, не позднее конца 1876 г. предоставить в российское военное ведомство отчет об этих командировках и, главное, практические рекомендации по использованию в России зарубежного опыта. Однако П. Ф. Лесгафт отнюдь не спешил выполнять задание Главного Управления военно-учебных заведений, а вместо этого занялся подготовкой собственной книги и не реагировал на продолжавшиеся несколько лет письменные напоминания Военного министерства России и ГУВУЗ. В 1885 г. (т. е. через десять лет после первой из упомянутых зарубежных поездок П. Ф. Лесгафта) терпение военного ведомства иссякло, и оно начало подыскивать другого специалиста, способного выполнить задание ГУВУЗ. Такой кандидатурой стал опытный специалист в этой сфере полковник (затем генерал) А. Д. Бутовский, который в 1892, 1896 и 1899 гг. успешно реализовал поставленные перед ним задачи и, как уже отмечалось ранее, представил в ГУВУЗ практические рекомендации по использованию в России того лучшего, что было в организации систем физического воспитания и спорта в разных европейских странах, а также глубоко и всесторонне осветил все это в своих трудах (статьях и книгах).

Отметим здесь, что П. Ф. Лесгафт (в отличие от А. Д. Бутовского) в своих трудах негативно относился как к спорту вообще, так и, в частности, к спорту в учебных заведениях. Не признавал Лесгафт и «снарядной» гимнастики, выступая против применения в процессах физического воспитания каких-либо гимнастических снарядов. К тому же, по его мнению, физические упражнения стоило использовать только для развития ног, а не рук, поскольку, дескать, нельзя давать нагрузки упражнениями на руки, ибо они предназначены для выполнения различных тонких работ. Еще одной принципиальной ошибкой П. Ф. Лесгафта было то, что теорию применения телесных упражнений он рассматривал, базируясь на анатомических основах, и лишь относительно техники выполнения упражнений, но его совершенно не интересовало влияние упражнений на функциональную деятельность организма и отдельных его систем.

В этих и ряде других вопросов теоретические воззрения Алексея Дмитриевича Бутовского и его позиции в разных прикладных аспектах физического воспитания существенно отличались от ряда взглядов и позиций Пе-

тра Францевича Лесгафта. Учитывая это, вряд ли можно согласиться с той мыслью, которую высказал украинский ученый, доктор педагогических наук, профессор А. Б. Суник в своей книге «Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков» [27], где в одном из разделов главы «О некоторых пионерах российского спортивного и олимпийского движения», рассматривая проблемную ситуацию с различиями во взглядах и научных позициях А. Д. Бутовского и П. Ф. Лесгафта, резюмировал: «Можно лишь предполагать, как выиграла бы сфера физического воспитания в России, если бы такие личности, как Бутовский и Лесгафт, сотрудничали». С таким предположением А. Б. Суника трудно согласиться, поскольку их сотрудничество просто невозможно себе представить: очень уж несхожи были Бутовский и Лесгафт как по своему научному мировоззрению, так и, насколько известно, по человеческим качествам и по отношению к коллегам. В общем, как бы то ни было, не зря говорится, что история не знает сослагательного наклонения (если бы, то...).

Собственные теоретические и прикладные разработки в сферах физического воспитания и спорта и лучшее из зарубежного опыта в этих сферах, почерпнутого во время упоминавшихся зарубежных служебных командировок в разные европейские страны, А. Д. Бутовский широко и разнообразно использовал на практике в различных аспектах своей деятельности в России.

После того, как в 90-х годах XIX в. А. Д. Бутовский наладил контакты с Пьером де Кубертенем и принял участие в подготовке и проведении в 1894 г. в Париже учредительного конгресса, где было принято эпохальное решение о возрождении Олимпийских игр в современных условиях и создании международного олимпийского движения, Алексей Дмитриевич, избранный в первый состав Международного олимпийского комитета (как мы уже отмечали, он был членом МОК для России в течение 1894–1900 гг.) и в этом качестве посетивший Игры I Олимпиады, состоявшиеся в 1896 г. в Афинах, в дальнейшем не только в тех или иных формах участвовал в деятельности МОК, но и приложил немало усилий для того, чтобы как-то инициировать развитие олимпийского движения и олимпийского спорта в России [27]. Но, к большому сожалению, в этих устремлениях Бутовскому пришлось неоднократно столкнуться как с косностью и равнодушием со стороны российских властей и чиновничества, так и с уже отмечавшимся прохладным отношением российского общества к практической реализации олимпийских идей в стране. В частности, в одном из своих писем к Пьеру де Кубертену Алексей Дмитриевич писал о ситуации в сферах физического воспитания и спорта в России [26]: «В нашей прессе не рассматривается вопрос о физическом воспитании, и он в достаточной степени не освещается различными изданиями. Гимнастика практически не преподается в наших гражданских гимназиях, хотя пять лет назад я написал учебник по гимнастике, рекомендованный специально

для гимназий и прошедший апробацию в Министерстве народного просвещения. Только военный министр и военные школы живо интересуются этим вопросом и применяют мой опыт на практике».

Еще в ноябре 1897 г. А. Д. Бутовский в одном из писем к П. де Кубертену радостно делится с ним приятной новостью о том, что «русская спортивная ассоциация приняла решение организовать Олимпийский комитет. Ассоциация Петербурга уже провела заседание по этому поводу и определила срок приезда представителей из провинции» [26]. Предполагает, что это произойдет в январе (1898 г.), однако на самом деле учредительное собрание в ожидавшиеся сроки не произошло. Российский олимпийский комитет был создан намного позднее – лишь в феврале 1911 г. [28].

Подобная ситуация не могла не сказаться негативно на энтузиазме генерала Бутовского к практической деятельности в сфере олимпийского движения и олимпийского спорта. Это нашло свое отражение и в некотором охлаждении тональности переписки Алексея Дмитриевича с Пьером де Кубертенем и, в частности, в письме А. Д. Бутовского, датированном 18 июня 1899 г., в котором он сообщает президенту МОК: «На протяжении последних двух лет я был занят разными проблемами и вопросами, касающимися педагогики и военного дела и не имея возможности для установления связи с нашими спортсменами. Вот почему я осознанно хочу заявить вам о своей отставке» [26].

В 1900 г. генерал Алексей Бутовский вышел в отставку с поста члена комитета. В том же году членами МОК для России были избраны князь Сергей Белосельский-Белозерский и граф Георгий Рибопьер [28].

Тем не менее, и после своего выхода из состава МОК А. Д. Бутовский не утратил интереса к проблемам олимпийского спорта, олимпийского движения и физического воспитания, и принял участие в работе нескольких международных конгрессов, посвященных этой тематике. В частности, в письме к президенту МОК Пьеру де Кубертену от 25 ноября 1904 г., Алексей Бутовский пишет, что он сделает все возможное, «чтобы присутствовать на Международном конгрессе в Брюсселе* в окружении уважаемого собрания, радуясь заранее возможности пережить еще раз неизгладимые впечатления 1896 года, а также испытать дух единения Международного комитета в Афинах» [26]. В письме, датированном 18 мая 1905 г., А. Д. Бутовский сообщает П. де Кубертену: «Я буду присутствовать на Конгрессе в Брюсселе в качестве делегата. Уже получил подтверждение руководства Военной школы. Но должен вас предупредить, что я не буду официально представлять Россию. Эта честь не была мне предоставлена моим правительством, и вы понимаете, что с моей стороны было бы нетактично ходайствовать об этом».

*Речь идет о III Олимпийском конгрессе, состоявшемся в бельгийской столице летом 1905 г.

В 1905 г. А. Д. Бутовский принял участие в работе проходившего в столице Бельгии III Олимпийского конгресса, деятельность которого Алексей Дмитриевич впоследствии отразил в своем труде «Вопросы физического воспитания и спорта на Международном конгрессе в Брюсселе, летом 1905 г.» [21], впервые опубликованном в «Педагогическом сборнике» (№ 1 за 1906 г.).

Довольно подробно А. Д. Бутовский описывает как общую атмосферу на конгрессе, где председательствовал президент МОК П. де Кубертен, и состав делегатов этого форума, так и работу конгресса на его пленарных заседаниях и в трех секциях – педагогической, военной и спортивной.

В частности, в программе педагогической секции, как отмечает Бутовский, были выделены десять отделов: «1) физические упражнения в начальной школе; 2) в колледже (средней школе); 3) в университете; 4) в сельской общине; 5) в городских центрах; 6) для больных и заключенных; 7) в армии; 8) в колониях (климатические условия и другие влияния); 9) международные; 10) для женщин» [21].

Среди выступавших с докладами и участвовавших в дискуссиях было немало опытных специалистов из разных стран, в том числе профессор Демени из Франции, начальник военно-гимнастической школы в Брюсселе бельгийский капитан Лефебюр, полковник Бальк из Швеции, делегаты из России – преподаватель Учительского института в Санкт-Петербурге Цируль и практикующая в Париже русская женщина-врач Кричевская и другие.

Далее А. Д. Бутовский осветил в этой работе и различные аспекты, обсуждавшиеся на том же конгрессе в секции военных и специальных вопросов и в секции спорта.

2–10 августа 1910 г. в Париже состоялся Международный конгресс по школьной гигиене, а 10–14 августа того же года в Брюсселе – Международный конгресс по физическому воспитанию. В обоих этих форумах участвовал А. Д. Бутовский, который затем довольно обстоятельно отразил тематику конгрессов и ход их работы в своем труде «Вопросы школьной гигиены и физического воспитания на международных конгрессах в 1910 г.» [24], впервые опубликованном в «Педагогическом сборнике» (№ 1 за 1911 г.).

Спортсмены России не выступали не только на Играх I Олимпиады в Афинах 1896 г., но и на Играх I Олимпиады в Париже (1900 г.), и на Играх III Олимпиады в Сент-Луисе (1904 г.). Произошло это, как писали тогдашние российские газеты, даже не от бедности, а потому, что у российских спортсменов еще не существовало ровным счетом никакого руководящего органа и замолвить о них слово в правительстве было некому [28].

Да и на Играх IV Олимпиады, проходивших в 1908 г. в Лондоне, выступали только пять российских спортсменов – энтузиасты, отправившиеся на эти Игры в частном порядке, с помощью меценатов. В активе спортсме-

нов из России оказались три завоеванные в Лондоне олимпийские медали – одна золотая (Панин-Коломенкин в фигурном катании на коньках) и две серебряные (борцы Орлов и Петров).

В 1911 г. был создан Российский олимпийский комитет (РОК), (председателем которого стал известный деятель отечественного спортивного движения Вячеслав Срезневский (он возглавлял РОК с 1911 по 1917 г.). Среди тех, кто в 1911 г. вошел в состав Российского олимпийского комитета, были член Международного олимпийского комитета граф Георгий Рибопьер и ведущий специалист в области физического воспитания и спорта, Георгий Дюперрон, который позднее (в 1913 г.) будет избран членом МОК [28]. Кстати, избранию Дюперрона в состав Международного олимпийского комитета, судя по всему, способствовала и рекомендация, данная ему Алексеем Бутовским, который в своем письме, датированном 16 апреля 1910 г. и адресованном шведскому коллеге Алексею Дмитриевичу и его давнему знакомому (еще со времен посещения Бутовским Швеции в 1892 г.) – члену исполкома МОК Виктору Бальку. В этом письме А. Д. Бутовский, в частности, писал: «После долгих раздумий я осознанно рекомендую вам человека, который заслуживает стать членом Олимпийского комитета, представляющего Россию. Я думаю, что вы немного с ним знакомы. Это господин Георгий Дюперрон, человек спорта, очень образованный и весьма воспитанный. Вскоре он напишет вам лично, и я буду очень рад, если благодаря моим рекомендациям он будет принят в Комитет. Я очень рад быть вам полезным и в дальнейшем сохранить дружеские отношения, связывающие нас долгие годы» [26].

Одной из актуальных задач, вставших перед Российским олимпийским комитетом, сформированным, как отмечалось выше, в 1911 г., было комплектование команды России для участия в Играх V Олимпиады 1912 г. в Стокгольме. Но поскольку казна РОК была почти пустой, основным критерием при отборе спортсменов в российскую олимпийскую команду являлась либо платежеспособность претендентов, либо наличие у них надежных меценатов [28].

Как бы то ни было, а в состав делегации России, отправившейся на пароходе «Бирма» в Швецию на Игры весной 1912 г., вошли 169 спортсменов. Российская делегация на Играх V Олимпиады оказалась одной из самых многочисленных, однако результат ее выступлений в Стокгольме был провальным: ни единой золотой медали, лишь две серебряные награды (в пулевой стрельбе и греко-римской борьбе) и две бронзовые (в парусном спорте и в стендовой стрельбе), а в неофициальном командном зачете Россия заняла 17-е место среди 28 стран-участниц этих Игр [28].

Для радикального исправления ситуации к лучшему в России предпринимаются экстренные меры. Прежде всего в 1913 г. под эгидой российского правительства создали службу, которая должна была курировать в

масштабах страны вопросы физического воспитания и спортивного движения, – Канцелярию Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи. Возглавил этот государственный орган генерал Владимир Воейков (до этого он руководил делегацией России на Играх V Олимпиады 1912 г. в Стокгольме).

В числе мер, призванных активно способствовать развитию спорта в стране, были приняты решения о проведении первой Российской Олимпиады в Киеве летом 1913 г. (приуроченной к проводившейся в этом городе в том же году Всероссийской выставке), а в 1914 г. – второй Российской Олимпиады в Риге [28].

Эти и другие большие комплексные мероприятия проводились уже без участия А. Д. Бутовского, однако не подлежит сомнению, что все инициативы, направленные на создание и развитие олимпийского движения в России и подъем российского олимпийского спорта, были бы просто невозможны без наличия фундамента, заложенного такими пионерами физического воспитания и спорта в стране, каким был Алексей Дмитриевич Бутовский.

Разными вопросами, связанными с подготовкой и проведением в 1913 г. в Киеве первой Российской Олимпиады, занимались Киевский олимпийский комитет и специально сформированный Олимпийский комитет Всероссийской выставки 1913 г., на который и были возложены обязанности по проведению этой Олимпиады (оба комитета возглавлял видный теоретик, организатор, пропагандист спорта и спортивный журналист Александр Анохин, а в состав их вошли разные общественные и государственные деятели). На организацию первой Российской Олимпиады было выделено 10 тысяч рублей, к которым добавилась поддержка со стороны меценатов и городских властей Киева. Основным из тех спортивных объектов, на которых проводились соревнования этой Олимпиады 1913 г., стал реконструированный стадион на Лукьяновке (один из районов Киева). Были разработаны «Общие правила Российской Олимпиады», программа и календарь. В соревнованиях по 14 видам спорта изъявили желание участвовать около 600 спортсменов из 22 городов страны [28].

Первая, а затем вторая Российские Олимпиады (соответственно, в 1913-м в Киеве и в 1914-м в Риге) прошли успешно, были довольно массовыми, а в соревнованиях спортсмены показали немало высоких результатов.

Намечалось провести третью Российскую Олимпиаду в 1915 г. в Москве, а в 1916-м – перед Играми VI Олимпиады, которые должны были состояться в том же году в Берлине, – предполагалось провести четвертую Российскую Олимпиаду в Санкт-Петербурге. Однако все эти олимпийские планы перечеркнула начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война.

В конце февраля – в начале марта 1917 г. рухнула Российская империя, а 25 октября по старому стилю того же 1917 г. в российской столице – Петрограде – произошел переворот, последствием которого стал за-

хват власти в стране большевистским режимом. Но этих событий Алексею Дмитриевичу Бутовскому, скончавшемуся в Петрограде 25 февраля 1917 г., уже не суждено было увидеть (наверное, для него это и к лучшему)...

В Советском Союзе идеи, труды и свершения А. Д. Бутовского на долгие годы были преданы почти полному забвению. Но после распада СССР наступила, наконец-то, пора закономерного признания его выдающихся заслуг.

■ Литература

1. Агеев ВУ. *...И генерал Бутовский для России [... And general Butovskii for Russia]*. Москва: Советский спорт; 1994. 30 с.
2. Бутовский АД. Телесные упражнения во Франции [Bodily exercises in France]. *Педагогический сборник*. 1893;2:193–313; 3:268–91; 4:417–41; 5:534–59.
3. Бутовский АД. Афины весной 1896 года [Athens in the spring of 1896]. В кн.: *Русское образование*. Москва; 1896. Том 42, Декабрь. с. 767–97.
4. Бутовский АД. *Вибрані твори поряд [Selected works]*. [упоряд. Драга ВВ, Зубалій МД]. Київ: Нічлава; 2006. 240 с.
5. Бутовский АД. Телесные упражнения во Франции [Bodily exercises in France]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 1. с. 24–109.
6. Бутовский АД. Система шведской педагогической и военной гимнастики [System of the Swedish pedagogical and military gymnastics]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 1. с. 110–276.
7. Бутовский АД. Воспитание и телесные упражнения в английских школах [Education and corporal exercises in English schools]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 1. с. 277–334.
8. Бутовский АД. Наставление для производства гимнастических упражнений в гражданских учебных заведениях. Вольные движения [Instruction on the execution of physical drills in civil educational establishments. Free motions]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 2. с. 5–132.
9. Бутовский АД. Наставление для производства гимнастических упражнений в гражданских учебных заведениях. Упражнения с подвижными снарядами [Instruction on the execution of physical drills in civil educational establishments. Exercises with moving gymnastic equipment]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 2. с. 133–76.
10. Бутовский АД. Телесные упражнения как предмет преподавания [Bodily exercises as an educational subject]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 2. с. 177–333.
11. Бутовский АД. Из чтений по истории и методике телесных упражнений. Телесные упражнения как предмет преподавания [From the readings on the history and methodology of physical exercise. Bodily exercises as an educational subject]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 2. с. 334–55.
12. Бутовский АД. Из чтений по истории и методике телесных упражнений. Методика. Что такое физическое образование [From the readings on the history and methodology of physical exercise. Methodology. What is the physical education]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 2. с. 384–401.
13. Бутовский АД. Из чтений по истории и методике телесных упражнений. Методика. Количественная норма упражнения [From the readings on the history and methodology of physical exercise. Methodology. Quantitative norm of the exercises]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 2. с. 402–22.
14. Бутовский АД. Наставление для обучения войск гимнастике и полевая гимнастика [Instruction for training troops for gymnastics and field exercises]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 5–84.
15. Бутовский АД. Опыт руководства для обучения плаванию в кадетских корпусах [Management experience for swimming training in the cadet corps]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 2. с. 103–24.
16. Бутовский АД. Проект организации подвижных игр как отрасли физического образования в кадетских корпусах [Project of organization of outdoor games as a branch of physical education in the cadet corps]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 125–45.
17. Бутовский АД. Заметки о военной гимнастике [Notes on military gymnastics]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 171–95.
18. Бутовский АД. Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах [Bodily exercises and out-of-class activities in the cadet corps]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 196–214.
19. Бутовский АД. Упражнения и занятия, имеющие отношение к физическому воспитанию в наших кадетских корпусах [Exercises and activities related to physical education in our cadet corps]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 215–32.
20. Бутовский АД. Война и военный быт в работах Калло и его современников [War and military life in the works of Callot and his contemporaries]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 233–60.
21. Бутовский АД. Вопросы физического воспитания и спорта на международном конгрессе в Брюсселе, летом 1905 г. [The questions of physical education and sport at the international congress in Brussels, in the summer of 1905]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 261–95.
22. Бутовский АД. Вопросы школьной гигиены и физического воспитания на международных конгрессах в 1910 г. [The questions of school hygiene and physical education at the international congresses in 1910]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 3. с. 296–358.
23. Бутовский АД. О школьном товарищеском суде [About school comrades' court]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 4. с. 94–114.
24. Бутовский АД. Обучение письму и почерк [Teaching writing and calligraphy]. В кн.: *Собрание сочинений в 4 томах*. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 4. с. 115–39.
25. Платонов ВН, редактор, Булатова ММ, Бубка СН, и др. *Олимпийский спорт [Olympic sports]*: в 2 т. Киев: Олимпийская литература; 2009. Том 1. с. 195–207, 242–4.
26. Суник АБ. *Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков [Russian sports and the Olympic movement at the turn of XIX–XX centuries]*. 2-е изд. Москва: Советский спорт; 2004. 764 с.
27. Платонова ВН, редактор. *Энциклопедия олимпийского спорта [Encyclopedia of Olympic sports]*: в 5 т. Киев: Олимпийская литература; 2002. Том 1. с. 75; Том 5. с. 32–46.
28. Азарченков ПМ, Аксиютин ВВ, Белокотова ТА, та ін., Платонов ВМ, редактор. *Енциклопедія олімпійського спорту України [Encyclopedia of the Olympic sport of Ukraine]*. Київ: Олімпійська література; 2005. с. 28–39.
29. Coubertin P. Une campagne de vingt et un ans (1887–1908). Paris Education physique; 1909. 220 p.

Перепечатано из: Наука в олимпийском спорте, № 1, 2013.